Мацуо Басё

По тропинкам Севера
(стихи из путевого дневника)

Перевод с японского
Веры Марковой

ФТМ

Мацуо Басё Путевые дневники

Перевод с японского, вступительная статья и комментарии Т.Л. Соколовой-Делюсиной, (с)2000.

В ОТКРЫТОМ ПОЛЕ «Отправляясь за тысячу ри, не запасайся едой, а входи в Деревню, Которой Нет Нигде, в Пустыню Беспредельного Простора под луной третьей ночной стражи1» - так, кажется, говаривали в старину, и, на посох сих слов опираясь, осенью на восьмую луну в год Мыши эры Дзёкё2 я покинул свою ветхую лачугу у реки и пустился в путь: пронизывающе-холодный ветер свистел в ушах.

Пусть горсткой костей Лягу в открытом поле...

Пронзает холодом ветер...

Десять раз осень Здесь встречал. И скорее уж Эдо родиной назову.

Когда проходили через заставу3, полил дождь, и окрестные горы спрятались в тучах,

Туманы, дожди...

Не видеть вершину Фудзи Тоже занятно.

Человек, которого звали Тири4, стал мне опорой во время этого пути, и в непрестанных попечениях не знало устали его сердце, К тому же взаимное дружелюбие наше столь велико, что, ни в чем разногласий не имея, доверяем друг другу во всем - да, таков этот человек.

Хижину в Фукугава5, Покидаем, оставив банан На попечение Фудзи.

Тири

Шагая по берегу реки Фудзи, мы вдруг увидели брошенного ребенка лет так около трех, который жалобно плакал. Очевидно, кто-то, добравшись до этой стремнины, понял, что не сумеет противостоять натиску волн этого бренного мира, и бросил его здесь дожидаться, пока жизнь не растает ничтожной росинкой. «Что станется с этим кустиком хата, дрожащим на осеннем ветру6, - сегодня ли опадут его листья, завтра ли увянут?» - размышляя об этом, я бросил ему немного еды из рукава.

Крик обезьян Вас печалил, а как вам дитя На осеннем ветру? 7

Что случилось - навлек ли ты на себя ненависть отца, разлюбила ли тебя мать? Но нет, не может отец ненавидеть, а мать разлюбить свое дитя. Видно, просто такова воля Небес, плачь же о своей несчастливой судьбе.

В день, когда мы переправлялись через реку Ои, с утра до вечера не переставая лил дождь.

Осенний дождь...

В Эдо нынче прикинут на пальцах:

«Подходят к реке Ои»,

Тири

Случайно увиденное:

Цветок мокугэ У дороги лошадь сжевала Мимоходом.

На небе смутно светился еле видный серп двадцатидневной луны, нижние отроги гор были объяты мраком, мы продвигались все дальше и дальше, «свесив с седел хлысты», вот остались позади несколько ри, а петуха все не слышно8. Как и Ду Му, в ранний час пустившийся в путь, «до конца не успели проснуться», и только когда добрались до Саёнонакаяма, утренняя сонливость внезапно остановила нас.

Досыпали в седле А очнулись - далекий месяц, Дымки над домами...

Воспользовавшись тем, что Мацубая Фубаку9 был в Исэ, решили навестить его и дней на десять дать отдых ногам.

Когда день преклонился к вечеру, отправились к Внешнему святилищу10: у первых врат-тории уже сгустилась мгла, кое-где горели фонари, на прекраснейшей из вершин ветер шумел в кронах сосен,11 проникая глубоко в душу, и, охваченный волнением, я и сказал:

Безлунная ночь.

Вековых криптомерий трепет В объятьях у бури.

Не препоясаны чресла мечом, на шее висит сума, в руках - восемнадцатичастные четки. Похожу на монаха, но загрязнен пылью мирской, похожу на простолюдина, но волос на голове не имею. Пусть я не монах, но все, кто не носит узла из волос на макушке, причисляются к племени скитальцев, и не дозволено им являться перед богами.

Внизу, по долине Сайге12, бежит поток. Глядя на женщин, моющих в нем бататы, сказал:

Женщина моет бататы...

Будь я Саше, я бы тогда Песню сложил для нее... 13

В тот же день на обратном пути я зашел в чайную лавку, где женщина по имени Те14, обратившись ко мне, попросила: «Сложи хокку, моему имени посвятив», и тут же достала кусок белого шелка, на котором я написал:

Орхидеей Бабочка крылышки Надушила.

Посетив уединенное жилище отшельника:

Плющ у стрехи.

Три-четыре бамбука. Порывы Горного ветра.

В самом начале Долгой луны15 добрались до моих родных мест16: забудь-трава вокруг северного флигеля поблекла от инея, не осталось никаких следов17. Все изменилось здесь за эти годы, братья и сестры поседели, глубокие морщины залегли у них меж бровей. «Хорошо хоть дожили...» - только и повторяли, других слов не находя, потом брат18 развязал памятный узелок-амулет и протянул мне со словами: Взгляни на эту седую прядь. Это волосы матушки. Ты, словно Урасима с драгоценной шкатулкой19, брови у тебя стали совсем седыми». Я долго плакал, а потом сказал:

В руки возьмешь От слез горячих растает Осенний иней.

Перейдя в провинцию Ямато, мы добрались до местечка в уезде Кацугэ, которое носит имя Такэноути. Здесь родина нашего Тири, поэтому мы на несколько дней задержались, дав отдых ногам.

За бамбуковой чащей - дом:

Хлопковый лук Лютней ласкает слух В бамбуковой чаще. 20

Пришли поклониться храмам Таима на горе Футагамияма и там, увидев росшую в храмовом саду сосну, я подумал истинно, вот уже тысячу лет стоит она здесь. Крона ее так широка, что и впрямь тысячи быков могли бы укрыться в ее тени21. Пусть и считается, что деревья лишены чувств22, но что за счастливая и внушающая благоговение судьба у этой сосны: оказаться связанной с Буддой и избежать топора23.

Монахи, вьюнки Рождаются, умирают...

Сосна у храма.

На этот раз один - все дальше и дальше - брел по тропам Ёсино: вот уж и вправду горная глушь многослойные белые тучи громоздятся над вершинами, дождевой туман прикрывает ущелья, там и сям разбросаны по склонам, словно игрушечные, хижины дровосеков, на западе рубят деревья, а стук топоров раздается на востоке, удары храмовых колоколов рождают отклик в самой глубине души. Издавна люди, забредавшие в эту горную глушь и забывавшие о суетном мире, убегали в стихи, находили убежище в песнях. В самом деле, разве не такова и гора Лушань?24 Остановившись на ночлег в монастырской келье:

Стук валька Дай же и мне послушать Жена монаха. 25

Навестив травяную хижину преподобного Сайге, прошел к дальнему храму, откуда, повернув налево, примерно на два те26 углубился в горы: по сторонам чуть заметные тропки, протоптанные людьми приходящими за хворостом, между ними отвесные ущелья - вид, воистину возвышающий душу. "Капающий родник"27, похоже, совсем не изменился, и сейчас падает вниз кап да кал...

Росинки кап да кап Как хотелось бы ими омыть Наш суетный мир...

Окажись в стране Фусан28 Бо И29, он бы непременно прополоскал этой водою свои уста. Узнай об этом роднике Сюй Ю, он именно здесь промыл бы свои уши30. Пока я поднимался вверх по горным тропам, пока спускался вниз, осеннее солнце стало клониться к вершинам, а поскольку многие прославленные места еще не были мною осмотрены, я ускорил шаг и прежде всего направился к могиле государя Годайго.

Сколько же лет Этой могиле. О чем ты грустишь Поблекшая грусть-трава? 3

1Покинув провинцию Ямато и пройдя через Ямасиро, я вышел на дороги земли Оми, достиг Мино, затем, миновав Имасу и Яманака, оказался у древней могилы Токива32. Моритакэ из Исэ33 сказал когда-то: «На господина Ёситомо осенний ветер похож»34. Интересно, в чем он увидел сходство? Я же скажу:

Ёситомо...

Повеял его тоскою Осенний ветер... 35

Фува36:

Осенний ветер.

Кустарник да огороды Застава Фува. 37

Оогаки остановился на ночлег в доме Бокуина38. Когда-то, выходя из Мусаси, я думал о том, что, может быть, кости мои останутся лежать в открытом поле, вспомнив об этом теперь я сказал:

Так и не умер.

Последний ночлег в пути Поздняя осень.

В храме Хонтодзи в Кувана:

Зимний пион.

Кричат кулики, или это Кукушка в снегу? 39

Поднялся со своего «изголовья из трав» и, не дожидаясь, когда окончательно рассветет вышел на берег моря...

На рассвете Белых рыбок белые черточки Длиною в вершок.

Пошел поклониться святилищу Ацута. Вокруг развалины, ограда упала и исчезла в густой траве. В одном месте натянута рисовая веревка, отмечающая местоположение малой кумирни, рядом стоят камни, названные именами разных богов. Полынь и грусть-трава повсюду растут привольно, но именно это запустение пленяет душу больше, чем чинное благополучие иных святилищ.

Грусть-трава, Даже она засохла. Лепешку купив, Заночую в пути.

Сложил, выйдя на дорогу, ведущую в Нагоя:

Безумные строфы На устах, ветер треплет мне платье Второй Тикусай. 40

Ложе из трав.

Под дождем и собаке тоскливо Лает в ночи...

Пошел посмотреть на снег:

Эй, торговец, Шляпу не купишь? Так хороша Эта шляпа в снегу.

Увидев путника:

Даже от лошади Оторвать невозможно взгляда Снежное утро.

Встретив сумерки на морском берегу:

Вечерняя мгла Над морем. Крики уток вдали Туманно белеют.

В одном месте развязываю шнурки на сандалиях, в другом бросаю свой посох, так странником бесприютным встречаю конец года.

Год на исходе, А я не снимаю дорожной шляпы И старых сандалий...

Да, и такие слова произносил, когда в своей горной хижине переваливал через вершину года.

Чей это зять, На быка гостиницы навьючив, В год въезжает Быка? 4

1На дороге, ведущей в Нара:

Вот и весна!

Безызвестные горы, и те В утренней дымке.

Уединившись в Нигацудо41:

Водовзятие Башмаки монахов стучат По ледяным ступеням. 43

Добравшись до столицы, наведался в горную хижину Мицуи Сёфу44 в Нарутаки.

Сливовая роща:

Белеют сливы.

А журавли? - Их, наверное Успели украсть вчера. 45

Высокий дуб.

Похоже, ему до цветов И дела нет.

Встретившись с преподобным Нинко в храме Сайгандзи, в Фусими46:

Капли светлой росы Уроните на платье мне Персики Фусими.

Идя по тропе в Оцу, проходя через горы

В горы забрел - Почему-то сердцу так милы Эти фиалки.

Глядя сверху на озерную гладь:

Сосну в Карасаки Предпочла вишням гнетущим Весенняя дымка. 47

Днем, решив немного отдохнуть, присел в харчевне

Азалии в вазе.

Рядом режет хозяйка Сухую треску,

Сложил в пути:

На огороде - Будто тоже взглянуть на вишни Собрались воробьи.

Минагути встретился со старым приятелем, с которым не виделся двадцать лет:

Оба сумели Дожить до этого дня вишни в цвету.

Один монах из Хиругакодзима, что в провинции Идзу - он тоже уже с прошлой осени бродит по разным местам - услышав мое имя, напросился в попутчики и следовал за мной до самого Овари.

Пусть зерна пшеницы Станут нам пищей. Одно на двоих Изголовье из трав.

Этот монах сообщил мне, что Дайтэн, настоятель храма Энгакудзи, в начале первой луны нынешнего года изволил отправиться в мир

иной. Ах, ведь и в самом деле, наша жизнь лишь непрочный сон вдруг остро ощутив это, я с дороги послал Кикаку48:

Тоскуя о сливе, Гляжу на цветы унохана слезы из глаз. 49

Отправил Тококу50:

Бабочка Крылья с себя готова сорвать Белому маку на память.

Дважды побывал у Тоё51, а поскольку он как раз собирался в Адзума, сказал:

Как неохотно Выползает пчела из душистой Сердцевины пиона!

Заехав по пути в горную хижину в стране Каи

Пусть и лошадка Вволю полакомится пшеницей Ночлег в пути.

На четвертый месяц я возвращаюсь в свое жилище и постепенно избавляюсь от дорожной усталости.

Летнее платье.

А до сих пор не могу из него выбрать вшей.

Сначала далее следовали строфы, которыми мы обменялись, и послесловие Содо52. Потом я их убрал.

ПУТЕШЕСТВИЕ В КАСИМА Тэйсицу53 из столицы поехал однажды к заливу Сума полюбоваться луной, и, возможно, именно том были сложены строки:

Тень от сосны.

Луне трижды пятый день Тюнагон Юкихира. 54

Этой осенью55, влекомый воспоминаниями о человеке к безумствам поэзии склонном, и я вознамерился полюбоваться луной над горой Касима. Сопутствовали мне двое: один - волной судьбы подхваченный самурай56, другой - монах-скиталец, уподобивший жизнь свою текущей воде и плывущему облаку57. Монах облачился в одежды цвета туши, делающие его похожим на ворона, повесил на шею суму с тремя монашескими оплечьями58 взвалил на плечи походный поставец, куда поместил благоговейно образ Покидающего горы59, забренчал монашеским жезлом, миновал «заставу без ворот»60 и, никаких более преград перед собой не имея, одиноким странником пустился свободно блуждать по земным и небесным сферам. Другой же человек61 не монах и не мирянин, нечто вроде летучей мыши, которую ни птицей не назовешь, ни зверем, возымев вдруг желание попасть на остров, «где не водятся птицы»62, вышел за ворота, сел в ладью и добрался до места, которое

называется Гётоку. Поднявшись на берег, он не стал садиться на лошадь, а решил идти пешком, дабы это тонконогое существо могло сберечь силы.

Покрыв головы шляпами из дерева хиноки63, присланными нам одним человеком из провинции Каи мы двинулись в путь и, когда миновали селение Явата, перед нами оказалась широкая равнина - ее называют Камагаи-но хара. Она простиралась далеко вперед, насколько хватало взгляда, совсем как бескрайняя равнина Циньдянь...64 Вдали высилась гора Цукуба, две вершины, стоящие рядом.65 Я слышал, что в Китае есть вершина, которая называется Парные мечи, она находится где-то в горах Лушань.

О снеге ни слова.

Сегодня в лиловой дымке Гора Цукуба.

Такую вот строфу сочинил один из моих учеников, Рансэцу.66 Многие, помня слова, произнесенные богом Яматотакэру-но микото, называют гору Цукуба родиной людей, нанизывающих строфы67. Невозможно, находясь здесь, не сочинить песню, невозможно, проходя мимо, не сложить строфу. Эта гора в самом деле достойна восхищения.

Ветки хаги напоминали разостланную по земле парчу, не зря когда-то Тамэнака, наполнив ими сундуки, привез в подарок в столицу68, он был человеком весьма утонченным. Колокольчики «китико», желтоватые соцветия «девичьей красы» - «оминаэси», метелки трав «карукая» и «обана» переплетались, образуя диковинный узор, олени затевали брачные игры — все это было воистину прекрасно. Тут же на лугу с горделивым видом бродили пасущиеся лошади - и это тоже было прекрасно.

Солнце уже клонилось к закату, когда мы добрались до селения на берегу реки Тонэгава, которое называется Фуса. На реке установлены настилы для ловли кеты, эту рыбу продают потом на рынках Эдо. Ближе к вечеру зашли отдохнуть в одну из рыбачьих хижин. Наше вечернее пристанище насквозь пропахло рыбой. Светила ясная луна, когда, сев в вечернюю ладью, мы отплыли от берега, и скоро достигли Касима.

Начиная с полудня беспрерывно шел дождь, поэтому увидеть луну не было никакой возможности. Прослышав, что неподалеку, у

подножья горы, живет удалившийся от мира бывший настоятель монастыря Компондзи, мы решили навестить его и заночевали в его хижине. Когда-то было сказано: «голос колокола побуждает обращать взор в глубины собственной души»69, точно так же и мы обрели возможность на некоторое время очиститься сердцем. К рассвету небо прояснилось, скоро настоятель проснулся, а вслед за ним, поднявшись, вышли из дома и остальные. Засияет на миг луна и снова застучит дождь - красота этого раннего часа переполняла душу, но слов, достойных ее, не находилось. Право, жаль, ведь мы совершили столь дальний путь для того лишь, чтобы полюбоваться луной. Небезызвестная дама, которая, не сумев сложить песню о кукушке, все никак не могла вернуться в столицу, наверняка была бы нам хорошим товарищем.70

Неизменно светла Куна, по кебу плывущая, Но в разных обличьях Является нам, пробиваясь, Сквозь пелену облаков.

Настоятель

Мчится луна По небу, а ветки роняют Капли дождя.

Тосэй7

1Заночевали в храме.

Так глядят, будто знают истину Любованье луной.

Тосэй

Прилег под дождем Бамбук, и тут же поднялся Любованье луной.

Сора

Печальна луна.

Падают с храмовой крыши Капли дождя.

Соха

Перед святилищем:

Этой сосны Росток на свет появился Осенью эры богов.

Тосэй

Как же хочется мне Стряхнуть росинки со мха На камне священном.

Соха

Поклоняются храму олени - звучат так смиренно Их голоса.

Сора

Домик в полях.

Журавли на полускошенном поле.

Деревенская осень.

Тосэй

Кто бы нанял меня Сегодня ночным жнецом Луна над деревней.

Соха

Сынок бедняка, Рис готовясь толочь Глядит на луну.

Тосэй

Листья батата На выжженном поле. В деревне Ожидают луну.

Тосэй

Луга:

Штаны бедняка Прихотливым узором покрылись В зарослях хаги.

Сора

Осеннее разноцветье.

Сытым коням не до трав Порезвиться бы вволю.

Сора

Нежные хаги, На одну лишь ночь приютите Бездомного пса.

Тосэй На обратном пути останавливаемся в доме Дзидзюна72:

Здесь вейте гнездо, В этом доме, где сушат солому, Друзья-воробьи!

Хозяин

Дышит осень таким покоем За оградой из криптомерий.

Гость73

Вверх по реке Тянут лодку... возьмите и нас На встречу с луной

Сора

Последний пятый день серединного осеннего месяца года Зайца эры Дзеке. 74

ЗАПИСКИ ИЗ ДОРОЖНОГО СУНДУЧКА Внутри сотни костей и девяти отверстий73 находится нечто, и это нечто имеет временное прозвание - Кисея На Ветру76 - Фурабо. Возможно, так он назвал себя потому, что кисея и в самом деле легко рвется на ветру. Он давно питал слабость к «безумным строфам»77. И, в конце концов, решил посвятить им всю свою жизнь. Иногда, утомившись, он подумывал, уж не бросить ли ему это занятие, иногда тешил свою гордость мыслью, что со временем сможет превзойти прочих - такие противоположные чувства раздирали его душу, и из-за этой своей слабости так и не удалось ему обрести покоя. Одно время искал он продвижения по службе, но из-за этой слабости принужден был отступиться, одно

время стремился к наукам, надеясь рассеять мрак своей глупости, но из-за этой слабости терпел неудачи, и, в конце концов, у него, бесталанного и неумелого, остался только один путь в жизни.

Японские песни Сайге, нанизанные строфы Соги78, картины Сэссю79, чайное действо Рикю80 проникнуты одним общим духом. К тому же всякое изящное искусство81 подчиняется естеству и дружит с четырьмя временами года. Коль скоро ты видишь, то не можешь не видеть цветы, коль скоро ты думаешь, - не можешь не думать о луне. Когда то, что ты видишь, не является цветами, ты все равно что грубый варвар. Когда нет цветов в твоих мыслях, ты подобен дикому зверю. Уйди от варварского, отвратись от дикости, подчинись естеству, вернись к естеству. В начале Богопокинутого месяца82, когда погода была весьма переменчивой, я вдруг ощутил себя ничтожным листком, увлекаемым неведомо куда порывом ветра...

Странник - Так называть меня будут отныне.

Первый дождик зимы.

И снова под сенью камелий Буду искать я приют.

Вторую строфу сочинил некий Тётаро из Иваки83, он оказался вместе с нами в хижине Кикаку и любезно вызвался проводить меня «до заставы»84.

Нынче зима.

Вернешься же к нам с дарами Из Ёсино.

Эти стихи, поднесенные мне благородным Росэном85, стали первым подарком, полученным в знак прощания: все старинные друзья мои, и близкие и далекие, все ученики поспешили проведать меня и выказать мне свое расположение - одни принесли стихи, песни и прочие сочинения, другие - узелки с монетами на «обувку». Мне можно было не утруждать себя, запасаясь едой на три месяца86. Легкое бумажное платье и теплое ватное, монашеский клобук, чулки - всем снабдили меня заботливо, так что ни иней, ни снег, никакие тяготы пути не были мне страшны. Некоторые устраивали катанье на лодках, задавали пиры в своих загородных домах, другие приходили с вином и закусками в мою травяную хижину, желая мне счастливого пути и сожалея о разлуке - словом, проводы получились излишне торжественными, создавалось впечатление, что собирают в путь чрезвычайно важную персону. Так вот, если говорить о путевых

дневниках, то господин Ки87, монах Тёмэй88 и монахиня Абуцу89 истощили красоту слога и исчерпали чувства, после них все были на одно лицо: довольствуясь последками предшественников, они не добавили к написанному ими ничего нового. А уж тем более это не по силам человеку столь неглубоких знаний и заурядных способностей. «Сегодня с утра шел дождь, с полудня прояснилось», «здесь растет сосна, там протекает такая-то река» конечно же, так может написать всякий, но ежели ты лишен неповторимости Хуана и новизны Су90, то уж лучше молчи. И все же увиденные по дороге красивые пейзажи невольно запечатлеваются в сердце, иногда же так хочется поведать кому-нибудь о тяготах и лишениях, выпадающих на долю путнику, обретающему ночлег в горной гостинице или на деревенском постоялом дворе! Видя в этом один из способов уподобиться облакам и подчинить себя воле ветра, начинаешь записывать все, что остается в твоей памяти, собираешь воедино случившееся позже и происшедшее раньше, полагая при этом, что люди, принимая твои записи за невнятное бормотание пьяного или бред спящего, отнесутся к ним не всерьез, а «как придется»91.

Остановившись в Наруми:

«Взгляни, как темно На Звездном мысу!» - не о том ли Кричат кулики?

Мне рассказали о том, что однажды в этой гостинице изволил остановиться князь Асукаи Масааки92, именно тогда он сложил песню:

Лучезарная Столица так далека От залива Наруми.

Морские просторы пред взором, И им не видно конца.

- которую, собственноручно переписав, вручил хозяину.

До столицы Еще полпути, а по небу плывут Снежные тучи.

Решив навестить Тококу, который отшельником живет в местечке под названием Хоби в провинции Микава, я написал о том Эцудзину93, затем покинул Наруми и, воротившись примерно на двадцать пять ри, заночевал в Ёсида.

Пусть холодна Эта ночь, если рядом спит друг, Тепло на душе.

Проселочные дороги Амацу, узкие тропки, бегущие сквозь поля - там было особенно холодно из-за ветра, дующего прямо с моря.

Зимний день.

Тень одинокого путника Леденеет в седле.

От деревни Хоби до мыса Ирагосаки, кажется, всего одно ри пути. Сам мыс является продолжением провинции Микава, от Исэ его отделяет море, но по какой-то неведомой причине в «Манъёсю» он был включен в число достопримечательностей Исэ94. На песчаной косе этого мыса собирают раковины «гоиси»95. Кажется, люди их называют еще «белые ираго». На горе Хонэяма ловят соколов. Это крайняя точка на берегу Южного моря, куда они прежде всего опускаются, прилетая из заморских стран. Вспомнив о том, что соколы из Ираго тоже воспеты древними поэтами, я почувствовал себя еще более растроганным:

Сокола в небе Оглядел - и так радостно стало!

Мыс Ираго.

Увидев, что в Ацута обновляют святилище:

Чистотою сверкает Зеркало после шлифовки.

Снежинок цветы.

Некоторое время мы провели, отдыхая, в краю Хоса96, где пользовались гостеприимством то одного, то другого местного жителя.

А ведь кто-то сейчас По склонам бредет Хаконэ...

Утренний снег.

На поэтическом собрании в доме одного человека:

Складки расправив, Степенно шагает взглянуть на снег Бумажное платье.

Скорее вперед, Будем глядеть на снег, пока держат нас ноги.

На поэтическом собрании, устроенном одним человеком:

Ароматом влекомые, Долго искали, и вот у сарая Слива в цвету...

В те дни нас иногда навещали любители поэзии из Мино, Оогаки и Гифу, и вместе нанизывали мы строфы то полные циклы «касэн»97, то половинные в один лист. На десятый день месяца Бегающих наставников98 мы покинули Нагоя и направились в мои родные края99.

Случайный ночлег.

Вспомнил вдруг - сегодня дома «Очищают от сажи»100

В селении Хинага, куда, как было сказано: «Из Кувана, изголодавшись, пришел101, нанял лошадь и дальше поехал верхом,

когда же поднимался на холм Опираясь На Посох - Цуэцукидзака, то, поправляя седло, упал на землю:

Шел бы пешком, У горы «Опираясь на посох» Не упал бы с коня.

Я был так огорчен, что, сочиняя эти строки, совершенно позабыл о сезонном слове102.

Родная деревня.

Над своей пуповиной плачу103.

Сумерки года.

В последний день года, сожалея о расставании, до глубокой ночи пил сакэ, и в первый день года никак не мог пробудиться:

УЖ завтра-то Не буду таким растяпой.

Весна в сиянии цветов.

Начало весны:

Новой весне Минуло девять дней.

О поля, о горы!

Сухая трава.

Но уже поднимается марево - На вершок или два.

В провинции Ига, в местечке Ава-но сё, есть древняя могила преподобного Сюндзё. В былые дни стоял здесь монастырь, который назывался, кажется, Гоходзансиндайбуцу-дзи, но лишь имя на века сберегло память о нем, от главного храма осталось одно подстенье, кельи тоже исчезли, уступив место полям да огородам, священные изображения, возвышавшиеся когда-то над землей на один дзе и шесть сяку104, погребены под зеленым мхом, и лишь головы доступны почтительным взглядам паломников, одна только фигура преподобного Сюндзё пребывает в полной сохранности, являя собой неоспоримое свидетельство величия тех давних дней, и, глядя на нее, я чувствовал, как на глаза мои навертываются слезы. Каменные лотосы и львы грудами лежали в зарослях полыни и хмеля, казалось, взгляд улавливает и засохшие стволы деревьев сара105.

На две сажени с лишним - Высоко поднимается марево Над камнями.

О том, да о сем Упоминаешь невольно, глядя На цветущие вишни,

В местечке Ямада провинции Исэ:

«Какие цветы Цветут?» - названья не знаю, Но аромат...

Обнажаться Рано еще, просевает насквозь Ветер второй луны106

У храма Бодайдзан:

О печалях былых Обители этой, поведайте мне, Сборщики бататов.

Рюсёся107

Прежде спрошу, Как в здешних местах называют Этот зеленый тростник? 108

Встречаю Сэцудо из дома Инспектора Адзиро109:

На сливе Новая ветка привита.

Чудно цветет.

Собрание в травяной хижине:

Рядом - поле бататов, А ворота увиты хмелем В нежной листве.

В саду у святилища нет ни одной сливы. Подумав, что должно быть тому какое-то объяснение, справился у управляющего, но он сказал мне, что никаких особых причин нет, просто слив здесь не было изначально, за исключением одной, которая растет позади жилища юных жриц.

Юные жрицы, На ваше деревце сливы Гляжу с умиленьем.

Пределы богов.

И вдруг - нежданно-негаданно Успение Будды.110

Была уже вторая половина месяца Яёи111, когда мое беспокойное и изменчивое, словно цветы, сердце повлекло меня к новым вехам, а мысли устремились к цветам Ёсино. Человек, готовый разделить со мной радости и печали страннической жизни, - я сговорился с ним еще в Ирагосаки112, - встретил меня в Исэ, а поскольку он собирался стать для меня чем-то вроде мальчика на побегушках, подпорой в пути, то и имя себе выбрал соответственное - Ман-гикумару113. Звучало оно и в самом деле по-отрочески, в чем была особая прелесть. И вот, перед тем как выйти за ворота, написал я в шутку на шляпе своей: «Два путника, вместе вершащие путь и не задерживающиеся в движении своем между небесами и землей».

В Ёсино я тебе Покажу цветущие вишни, Дорожная шляпа.

В Ёсино ты увидишь К тому же еще и меня, Дорожная шляпа.

Мангикумару

Дорожная утварь, ежели ее много, становится помехой в пути, поэтому мы отказались почти от всего, но так или иначе пришлось взять с собой постельные принадлежности, по одному бумажному

платью, что-то вроде плащей, тушечницу, кисти, бумагу, кое-какие лекарства, коробки с едой - все это мы связали в узлы и взвалили на плечи, получилась ноша весьма обременительная для человека со слабыми ногами, казалось, будто она тянет меня назад, в результате продвижение наше было еле заметным, зато дорожных мытарств изведали мы в избытке.

Добредешь еле-еле До гостиницы, а у ворот - Глициния в цвету.

В Хаиусэ:

Весенняя ночь.

В углу храма фигурка молящейся Так прелестна114!

В высоких гэта Монах промелькнул в толпе.

Дождь и цветы,

Мангику

На горе Кадзураки:

Вот бы увидеть Лик божества на рассвете В сиянье цветов.115

Мива. Вершина Тономинэ. Перевал Пуповина. Путь от Тономинэ к Драконьим вратам - Рюмон.

Над жаворонками Отдыхаю в бескрайнем небе На перевале.

Драконьи врата - Рюмон:

От драконьих ворот Цветы привезу в подарок Выпивохам-друзьям.

Любителям выпить, Только им расскажу об этом Водопаде в цветах.

Западная река - Нидзикко:

Шорохи-шелест...

То ли падают горные керрии, То ли шумит водопада

Стрекозиный водопад - Сэйрэй-га таки.

Водопад Фуру находится в горах на расстоянии 25 те от святилища фуру-но мия.

Водопад Нунобики. В верховьях реки Икуга, в стране Цу.

Водопад Мино. По дороге через горы к храму Катиодзи.

Вишни:

Охота за вишнями.

Не похвально ли? - в день прохожу По пять ри, а то и по шесть.

«Цветы да цветы Целый день», - приуныл кипарис, Но, может быть, завтра...

Веером Взмахнув, зачерпну вина Под опадающей вишней116

Родник во мху117:

Весенний дождь, Сквозь ветки деревьев проникнув, Звенит родником.

Три дня провел я с вишнями Ёсино, любовался рассветами и закатами, печальный свет предрассветной луны проникал в мою душу и полнил грудь, меня чаровали виды, воспетые некогда господином Регентом118, я блуждал по тропам в поисках веток, надломленных рукой Сайге119, вспоминал строки, когда-то оброненные здесь Тэйсицу: «Вот это да!..»120, сам же не умел найти ни единого слова, да, как это ни досадно, бесполезные уста мои неизменно оставались замкнутыми. Стремление к прекрасному, заставившее меня пуститься в путь, было воистину неукротимо, но вот я здесь и не могу ничего сказать прискорбное обстоятельство!

Гора Коя:

О мать, о отец...

Такая тоска в душе - Плачут фазаны.12

1Облетают цветы.

Как же стыдно узла на макушке!122 Обитель в горах...

Мангику

Песенная Бухта - Вака-но ура:

Уходит весна.

В Песенной бухте ее Догнать удалось.

Монастырь Кимиидэра.123 Ступни мои были стерты до крови, я невольно вспомнил о переправе Сайге через реку Тэнрю124 и подумал, что, наверное, мало чем от него отличаюсь, когда же пошел нанимать лошадь, мне на память пришел давний случай с разгневанным отшельником125. Красота гор, равнин, морей и побережий представляется мне проявлением созидательной деятельности высших сил, я устремляюсь сердцем вослед за идущими по пути освобождения от привязанностей, ищу истину, открывающуюся человеку, посвятившему себя служению прекрасному. Я покинул свое жилище, и нет у меня желания обзаводиться скарбом. Руки мои пусты, а потому неведомы мне дорожные страхи. Свой размеренный шаг предпочел я дорожному паланкину, и лакомее мяса мой скромный ужин. Где пожелаю, там и

остановлюсь передохнуть, когда захочу, тогда и продолжу идти дальше. Только две каждодневные заботы имею. Как бы найти подходящее пристанище на ночь, да где бы раздобыть прочные сандалии по ноге - вот и все мои немудреные желания. Одно настроение является на смену другому, каждый новый день рождает новые чувства. А уж если случится встретить на пути человека, хоть немного сведущего в прекрасном, радость просто безмерна. Впрочем, даже если случай посылает тебе человека, которым в обычное время ты непременно бы пренебрег, полагая его косным и твердолобым, разговорившись с таким где-нибудь в глуши, или вдруг обнаружив его в заброшенной землянке или в заросшей хмелем хижине, испытываешь такое чувство, будто среди камней или битой черепицы обнаружил драгоценный камень, будто в грязи нашел золотой слиток, сразу же представляешь себе, как ты об этом напишешь или расскажешь кому-нибудь - право же, это одно из главных удовольствий, выпадающих на долю страннику. День смены одежд126:

Теплый халат Скинув, взвалил на плечи.

День смены одежд.

Ушел из Ёсино.

Как хочется ватное платье продать День смены одежд.

Мангику

В день Омовения Будды127, бродя по Нара от одного храма к другому, увидел, как олениха родила олененка - удивительно, что это произошло именно сегодня:

День Омовения.

Вместе с Буддой сегодня родился Олененок.

Увидев священную картину, на которой было изображено, как Гандзин128, настоятель монастыря Сё-дайдзи, плывя по морю в страну Ямато, преодолевает семьдесят несчастий, и как в конце концов его ослепляет соленый морской ветер...

Сверкает листва.

Как хотел бы стереть я слезы С глаз незрячих твоих.

В Нара расстаюсь со старыми друзьями:

Рога оленя, Вот и пришла пора В стороны разойтись129

В Осака, в доме у одного человека:

Ирисы.

Беседа - вот и еще одна Услада в пути,

Сума:

Луна, она здесь, Но будто бы нет ее в небе Лето в Сума130.

Гляжу на луну, Но все не хватает чего-то Лето в Сума.

Стоит середина месяца Зайца131, и небо, еще окутанное неясной дымкой, пленяет изысканной красотой, в эти быстротечные ночи луна особенно прекрасна, она льет свой свет вниз на горы, уже темнеющие молодой листвой, тут откуда-то со стороны моря начинает брезжить рассвет, невольно наводящий на мысль о том, что пора бы прилететь и кукушке. Вот уже в предгорьях румянятся волны злаков, а вдалеке, возле рыбачьих хижин, туман, постепенно рассеиваясь, открывает взору слабо колышущиеся маки.

Лица рыбаков Возникают первыми в утренней мгле.

Цветущие маки.

Сума делится на Восточное Сума, Западное Сума, Прибрежное Сума, и трудно понять, чем промышляют в каждой из этих трех местностей. У всех на слуху песня «с трав морских капли соли стекают...»132, но и этим промыслом, похоже, в наши дни уже никто не занимается. Здесь ловят сетями рыбу, которая называется кисуго, и сушат ее прямо на берегу, раскладывая на мелком песке, отчего рыбу часто таскают вороны. Некоторые, вооружившись луками, пугают их, но вряд ли это можно считать занятием, достойным рыбака. Подумав однако, что, быть может, они пытаются таким образом сохранить память о некогда разыгравшихся здесь сражениях133, я почувствовал себя пристыженным и, преисполненный тоски по прошлому, решил подняться на вершину Тэцукаи - Железного Посоха. Отроку, который был моим проводником, видно, не по душе это пришлось, во всяком случае, он под разными предлогами попытался уклониться, я же, как мог, старался задобрить его, обещал накормить в чайной лавке у подножья, словом, являл собой фигуру растерянную и жалкую. Моему провожатому было, очевидно, года на четыре меньше, чем тому деревенскому молодцу, которому, как известно, исполнилось шестнадцать134, тем не менее он вынужден был сопровождать меня на пути в несколько сотен дзе, вдвоем мы карабкались на крутые и

извилистые, как бараньи кишки, утесы, не раз готовы были сорваться вниз и чудом удерживались, цепляясь за ветки азалий, за стебли низкорослого бамбука, задыхались, обливались потом, словом, прошло немало времени, прежде чем мы оказались наконец у Облачных врат, - и, разумеется, этим я обязан стараниям моего ненадежного вожатого.

Рыбак из Сума.

Кончик стрелы направлен вверх Не там ли кричит кукушка?

Кукушка.

Там, где вдали замирает твой крик, - Остров в тумане.

Храм Сумадэра.

Нет музыкантов, но флейта звучит В тени под деревьями..135

Ночлег в Акаси:

В ловушке-горшке136 Видит случайные сны осьминог Под летней луной.

«Вряд ли на свете существует место, где осень столь же уныла»137 так кажется, было сказано. И в самом деле, истинная красота этого залива раскрывается именно осенью. Невозможно передать словами то уныние, ту печаль одиночества, которые овладели мной. «Будь сейчас осень, - думал я, - мне бы наверняка удалось выразить хоть малую долю своих чувств». УВЫ, так часто думают люди, не подозревающие о том, что им просто недостает сообразительности. Остров Авадзи виден как на ладони, справа и слева от него заливы Сума и Акаси. Не в подобном ли месте было сказано: «Земли У и Чу простираются к востоку и к югу...».138 Человек понимающий, увидев этот пейзаж, наверняка нашел бы, с чем его сопоставить.

Позади меня, за горой, деревенька под названием Таи-но хата - она считается родиной девиц Мацукадзэ и Мурасамэ139. Еще дальше тянутся грядой вершины гор, где-то там пролегает дорога в Тамба. От прежних времен сохранились такие зловещие названия как Хатибусэнодзоки - «Загляни в горшок-ловушку» или Сакаотоси - «Катись кувырком», если же, встав у сосны с колоколом140, посмотреть вниз, то прямо под собой увидишь дворец Ити-но тани141. Думы уносятся к смутам тех давних времен, к тем далеким сражениям, и образы прошлого один за другим, как живые, проходят пред мысленным взором, - вот госпожа Нии-но амагими с

малолетним государем на руках, запутавшись в подоле госпожи Нёин, падает на дно лодки, вот многочисленные дамы, прислужницы и служанки поспешно укладывают разную утварь, заворачивают в одеяла и коврики лютни-бива и цитры-кото и бросают их в лодку, вот угощение, приготовленное для государя, упав в воду, становится кормом для рыб, вот шкатулки для гребней, опустившись на дно, смешиваются с морскими травами142, - да, горести многих веков хранятся на дне этого залива, и не звучит ли неизбывная тоска даже в плеске белопенных волн?..

ПУТЕШЕСТВИЕ В САРАСИНА Осенний ветер дул мне в грудь и будоражил душу, постоянно искушая отправиться в Сарасина и полюбоваться луной над горою Обасутэ, да и попутчик нашелся - человек по имени Эцудзин143, подстрекавший меня вступить вместе с ним на путь ветра и облаков. Дорога Кисо вьется по диким и крутым горным склонам, поэтому, опасаясь, что столь тяжелый путь окажется нам не по силам, Какэй144 послал слугу проводить нас. Слуга, хотя и проявлял изрядное рвение, оказался весьма ненадежным: по-видимому, непривычный к дорожным обстоятельствам, он вел себя крайне бестолково и все путал, что было, впрочем, скорее забавно.

По дороге повстречался нам монах, лет так около шестидесяти. В нем не было ничего примечательного или необыкновенного, мрачный и угрюмый, он шагал, семеня и задыхаясь, согнутый столь тяжелой ношей, что мои спутники, невольно пожалев его, взяли у него поклажу, связали ее вместе с теми вещами, что каждый нес на спине, взвалили узлы на лошадь, а сверху всего этого посадили меня. Над головой нависали причудливые горные вершины, слева несла свои воды широкая река, ее обрыв пугал своей бездонной глубиной, ровной земли не было ни пяди, поэтому в седле я не чувствовал себя покойно. Жестокие муки не прекращались ни на миг145.

Проехав по навесному мосту и, миновав стремнину Нэдзамэ с ее причудливыми камнями, приблизились к перевалам Сару-га баба и Тати, дорога, петляя него и извиваясь, поднималась все выше и выше, ощущение было такое, будто блуждаешь в облаках. Даже у идущих пешком темнело в глазах, душа уходила в пятки и подкашивались ноги, однако сопровождавший нас слуга как будто не испытывал ни малейшего страха: он постоянно задремывал в седле, каким-то чудом

удерживаясь на лошади, вчуже смотреть на и то было жутко. Глядя на теснившиеся внизу утесы, я подумал, что, наверное, именно таким является взору Будды наш суетный мир, в самом деле, даже оглядываясь на собственную жизнь, я понимаю, как стремительно изменяется все вокруг, право, по сравнению с этим миром даже водоворот Наруто в Ава кажется безмятежной гладью146.

К вечеру, подыскав себе изголовье из трав, мы достали дорожные тушечницы, устроились под лампой и, вспоминая пейзажи, которые днем показались нам достойными внимания, восстанавливая в памяти строфы, случайно сорвавшиеся с губ, принялись, полузакрыв глаза, бить себя по головам и издавать такие тяжкие стоны, что монах, очевидно вообразив, что мы удручены мыслями о превратной участи странника, вознамерился нас утешить. Он стал рассказывать о местах, куда ходил паломником в молодые годы, о нескончаемых благодеяниях и чудесных милостях Будды Амиды, о разных, по его мнению, диковинных случаях из своей жизни... Его бесконечные рассказы мешали нам, не позволяя отдаться своим изящным занятиям, и ни одной строки создано не было. Однако, в комнату сквозь щель в стене проникал, просачиваясь меж ветвями деревьев, лунный свет, которым ранее мы, увлеченные сочинительством, пренебрегаЛИ, издалека доносились звуки трещоток и перекликающиеся голоса оленей. Воистину все, что сеть печального и прекрасного в осени, было сосредоточено в этом месте. «Не почтить ли нам луну, отведав вина?» - сказал я, и нам подали чашечки для сакэ. Они были лаковые, чуть крупнее обычных и украшены весьма посредственным узором. Столичные жители скорее всего сказали бы, что они слишком грубы, и не притронулись бы к ним, но нам они показались неожиданно занятными, зеленоватые пиалы и чашечки из нефрита тоже были чрезвычайно уместны в такой глуши.

Вдруг захотелось И ее расписать узорами Луна над гостиницей.

Висячий мост.

За него цепляются что было сил Плети плюща.

Висячий мост Увидишь, и тут же вспомнится:

«Передача коней»147

Растаял туман.

Висячий мост взору открылся До последней доски.

Эцудзин

Гора Обасутэ:

Плачущая старуха Увидится вдруг, как живая.

Вместе глядим на луну.

Шестнадцатый день Луне, а мы еще здесь - Уезд Сарасина.

О, Сарасина!

Три ночи подряд гляжу на луну, На небе ни тучки.

Эцудзин

О, как хрупки!

А роса с каждым мигом обильней Оминаэси148.

Пронизывают насквозь Горечь тертой редьки порывы Осеннего ветра.

Каштаны Косо.

Для людей из зыбкого мира Лучший гостинец.

Проводы, встречи, Расставанья, а в завершенье Осень Кисо.

Дзэнкодзи:

Лунный свет Четыре ученья, четыре теченья Единая суть.149

Подхваченный ветром, Несется куда-то камень.

Ураган над Асама.

ПО ТРОПИНКАМ СЕВЕРА Луна и солнце - лишь гости, что пройдут по сотням лет-веков150, сменяющие друг Друга годы - токе странники. Тот, кто, садясь в ладью, подчиняется воле волн, равно как и тот, кто встречает старость, держась за поводья, жизнь свою превращают в странствие, странствие становится их единственным прибежищем в мире. Да, многие славные мужи древности встретили смерть в пути. Вот и я, не помню с какого уж времени, был, подобно клочку облака, подхвачен ветром странствии, и, снедаемый желанием бродяжничать, долго скитался по морским побережьям, пока наконец прошлой осенью151 не смел старую паутину со стен своей полуразвалившейся хижины в верховьях реки152, однако едва год успел подойти к концу, как меня стало одолевать желание увидеть первую весеннюю дымку над заставой Сиракава153, казалось, некий бог-искуситель, овладев моей душой, поверг ее в безумие, казалось, бог-покровитель путников влек меня в путь, вещи валились из рук, и в конце концов я залатал прорехи на штанах, поменял шнурки на шляпе, прижег себе моксой точку «санри» под

коленом154, и, помышляя лишь о луне над Мацусима, передал свое жилище другому человеку, а сам перебрался в хижину Сампу155.

Бремя новых жильцов Пришло, стала лачуга моя Приютом для кукол.

УХОДЯ, набросал на листке бумаги восемь «лицевых строф» и прикрепил его к столбу хижины.156 Настал последний седьмой день третьей луны,157 тускло светится рассветное небо, луна еще видна, но сияние ее уже не такое яркое, вдали смутно вырисовывается вершина Фудзи, взглянув на которую, я невольно устремляюсь мыслями к вишням УЭНО и Яна-ка158 - право, когда же снова?.. - и сердце сжимается от безотчетной тоски. Мои близкие, собравшиеся еще с прошлого вечера, проводили меня до лодки. В местечке, название которому Сэндзю, поднялся я на борт, думы о предстоящем пути в три тысячи ри159 тяжестью легли на сердце, и, стоя на этом призрачном распутье, я проливал слезы.

Расстаемся с весной.

Плачут птицы, и даже у рыб Слезы из глаз160.

Для этих строк я впервые открыл свою дорожную тушечницу, а ведь еще не было сделано и шага по лежащему передо мною пути. Люди стояли на берегу и смотрели мне вслед, пока лодка моя не исчезла вдали.

В нынешнем году, то есть во втором году Гэнроку, вдруг придумал я отправиться паломником по дальним дорогам Муцу и Дэва, и хотя беспрестанно сокрушался о том, что волосы мои побелеют под небом чужбины, все-таки решился, влекомый легкомысленной надеждой увидеть пределы, которые доселе видывать не приходилось, хотя молва о них давно уже долетала до моего слуха, а там, ежели повезет, целым и невредимым вернуться домой; решившись же, пустился в путь и вот добрел до постоялого двора, расположенного в местечке под названием Сока. Более всего страдал я от ноши, обременявшей мои костлявые плечи. Выходя, я не собирался брать с собой никаких вещей, однако же разве мог я обойтись без бумажного платья для защиты от ночных холодов, легкого халата, плаща и зонтика на случай дождя, тушечницы и кисти? К этому добавились еще и прощальные дары, от которых

нельзя было отказаться... Конечно же, все эти вещи доставят мне немало мучении в пути, но пришлось смириться.

Поклонились святилищу Ясима в местечке Муро - Пещера. Вот что рассказал мой спутник, Сора161: «Здешнее божество именуется Девой Цветения Цветов на деревьях - Ко-но-хана-но-сакуя-бимэ, и едино оно с божеством горы Фудзи. Когда Дева Цветов, выполняя данный ею обет162, была заточена в пещеру, выхода не имеющую, и предана огню, из чрева ее появился бог Хоходэми-но микото, после чего место это и стали называть Муро - Пещера. По этой же причине появилось множество песен, воспевающих дым над святилищем Ясима в Муро. Рассказывают также, что в здешних местах запрещено есть рыбу под названием коносиро163».

На тридцатый день остановились на ночлег у подножия горы Никко. Хозяин сказал: «Меня называют Будда Годзаэмон. Люди прозвали меня так потому, что прямодушие полагаю я незыблемой основой всего своего существования. Надеюсь, что ничто не помешает вам на эту ночь устроить свое ложе из трав в моем доме и насладиться покоем». Присмотрелся я к хозяину повнимательнее, любопытствуя, что еще за Будда, явившись в наш полный скверны мир, на нашу покрытую пылью землю, хочет помочь каким-то нищим монахам-паломникам, и оказалось, что он невежествен и темен, только и есть у него, что прямодушие. Воистину, он принадлежит к тем, близким к человеколюбию людям, которые тверды, настойчивы и скупы на слова164, более же всего достойна уважения его душевная чистота, коей в полной мере он наделен от рождения.

На первый день месяца Зайца поднимаемся на священную гору165. Когда-то в древности эту гору называли Футара - гора Двойного Запустения, но когда великий учитель Кукай основал здесь монастырь166, он изволил изменить ее название на Никко - гора Солнечного света. Верно, прозрел он грядущее, удаленное от него на тысячу лет: ныне свет, от этой горы исходящий, озаряет просторы небес, благодать достигает самых отдаленных уголков земли, и все четыре сословия пребывают в мире и покое. Но вот, кое-какие обстоятельства вынуждают меня отложить кисть.

О, благодать!

Сквозь нежную зелень, первую зелень - Солнечный свет.

Вершина горы Курогами - Черные пряди тянута дымкой, на ней еще белеет снег.

Обривши главу, Платье сменил на горе Черные пряди167.

Сора

Сора принадлежит к роду Мукаи, раньше его называли Согоро. Поселившись в тени моей банановой пальмы, он, не жалея сил, собирал для меня хворост и черпал воду. Теперь же, радуясь возможности полюбоваться вместе со мною видами Мацусима и Кисаката и, одновременно, желая по мере сил облегчить мне дорожные тяготы, он на рассвете того дня, когда решено было двинуться в путь, обрил себе главу, облачился в черное платье монаха и взял себе новое имя - Сого, что значит - Проникший в основы. Потому-то он и сочинил стихотворение о горе Черные пряди. Особенная крепость ощущается в словах «платье сменил».

Если подняться в горы чуть больше, чем на двадцать те, то увидишь водопад. Поток воды, возникнув на миг на вершине грота, с высоты сто сяку стремительно низвергается на изумрудное ложе из громоздящихся камней и скал. Поскольку водопадом принято любоваться, укрывшись в находящейся позади пещере, то и называют его Урами-но таки - Водопад, На Который Глядят Сзади.

Ненадолго За водопадом укрылся - так начинаю Летний пост.168

В Насу, в местечке, которое зовется Куробанэ, живет один мой знакомец, и, предпочтя самый короткий путь, мы двинулись прямо через поля и луга. Пока шли по направлению к видневшейся вдалеке деревне, пошел дождь и смерклось. Остановились на ночь в крестьянском доме, а утром снова побрели по полям. По пути нам попались пасущиеся на лугу лошади. Заметив неподалеку косившего траву человека, я стал умолять его одолжить нам лошадь, и он, даром что грубый мужик, оказался не лишенным чуткости. «Не знаю, как и быть, - сказал он, - но боюсь, что не знакомым со здешними местами путникам недолго и заблудиться в этих бесконечных лугах. Возьмите же лошадь, а когда доедете до цели, отправьте ее назад»,- с этими словами он дал нам лошадь. Двое ребятишек побежали за ней по пятам. Девочку звали Касанэ. Это непривычное слуху имя звучало так нежно, что Сора сказал:

Касанэ - Такое имя под стать Нежной гвоздике.

Наконец мы добрались до человеческого жилья и, привязав мешочек с монетами к седлу, отправили лошадь обратно.

В Куробанэ мы навестили человека из монастыря Дзёбодзи, управляющего при местном властителе. Велика была радость хозяина при виде неожиданных гостей, в нескончаемых беседах потекли дни и ночи, брат хозяина, имя которому Тосуй, тоже навещал нас, не пропуская ни единого утра, ни единого вечера, иногда он зазывал нас к себе, иногда нас приглашали другие его родственники, так день проходил за днем. Однажды отправились мы побродить по окрестностям, посмотрели на то место, где когда-то гоняли собак169, потом, раздвигая мелкий тростник Насу, прошли к древнему погребению Тамамо-но маэ170. Оттуда двинулись к святилищу бога Ха-тимана171. Мне рассказали, что именно к этому божеству обращался Ёити, когда, готовясь пустить стрелу в веер, воззвал: «Особо уповаю на тебя, о бог-защитник родного края, покровитель рода моего, истинно всемогущий бог Хатиман»172, и благоговением исполнилась душа. Когда стемнело, мы вернулись в дом Тосуя.

Неподалеку есть храм секты монахов-заклинателей Комёдзи. Туда тоже были мы приглашены и ПОсетили молельню Эн-но гёдзя173.

Летние горы.

Чудотворным гэта174 поклонившись, Отправляемся в путь.

В той же провинции есть храм Унгандзи, а позади него в горах сохранились следы кельи преподобного Бутгё.

Помню, рассказывал он мне, как однажды, взяв уголек от соснового факела, написал на скале:

Шириной и длиной - В два аршина она, не более- Моя келья из трав.

Да и этого слишком много, И когда бы не лили дожди...

Мне захотелось взглянуть на остатки этой кельи, но едва я взял в руки посох и приготовился двинуться к монастырю Унгандзи, нашлось немало людей, которые загорелись желанием пойти туда же, одни пригласили других, и в конце концов собралось шумное общество молодых людей, так что мы и не заметили, как добрались до подножья гор. Обступившие нас склоны казались неприступно дикими, горные теснины уходили вдаль, вокруг чернели сосны и

криптомерии, зеленел напитанный влагой мох, и хотя стояла уже четвертая луна, все еще было холодно. Когда знаменитые десять видов Унгандзи175 остались позади, мы перешли через мост и вошли в ворота.

Очень скоро мы уже карабкались вверх по склону горы за монастырем в поисках места, где когда-то была келья Буттё, и вдруг обнаружили ее рядом с маленькой каменной пещерой на самом верху утеса. Право, мы словно увидели Заставу смерти наставника Мяо176 или хижину на утесе Фаюня177!

Дятел, и тот178 Эту хижину не разрушит...

Летняя роща.

Такие случайно пришедшие в голову строки оставил я на столбе.

Из Куробанэ мы направились к Смертоносному Камню - Сэссёсэки179. Управляющий дал нам лошадь. Человек, который вел ее под уздцы, попросил: «Напишите мне стихи». «Что за изысканная просьба», - подумал я и тут же сочинил:

Наискосок Через поле веди коня, Кукушка.

Смертоносный Камень находится у подножья горы, там, где бьют горячие ключи. Ядовитые газы, источаемые камнем, еще не утратили своей силы, земля вокруг сплошь покрыта мертвыми пчелами и бабочками, так что невозможно разглядеть даже, какого цвета песок.

Ива у ручья180 находится в селении, которое называется Асино, ее и теперь можно найти на меже, разделяющей поля. Правитель этих земель, чиновник налогового ведомства, неоднократно писал мне: «Как хотел бы я показать тебе эту иву», а я все думал: «Ах, когда же?» - и вот сегодня наконец стою в ее тени.

Поля клочок Возделан. Вокруг ни души.

Ах, эта ива...

Прошло немало безотчетно-томительных дней, но вот наконец мы добрались до заставы Сиракапа, впереди лежал ясный путь, и чувства наши обрели долгожданный покой. Недаром здесь когда-то искали возможности отправить письмецо в столицу...181 Застава же эта одна из знаменитых трех застав', и человек, к изящным занятиям склонный, не может равнодушно пройти мимо. Ветер осени свищет в ушах183, вспоминаются алые листья кленов184, и покрытые молодой листвой деревья кажутся особенно прекрасными. Рядом со

сверкающими белизной цветами унохана185 пышно цветет белый терн, право, вряд ли и снежный пейзаж был пленительнее186. Невольно вспоминается запечатленный кистью Киёсукэ случай, происшедший некогда с одним человеком, который, переезжая через эту заставу, переоделся в нарядное платье187.

Украшу хоть шляпу Цветком унохана в честь Знаменитой заставы.

Сора Мы продвигались все дальше, и скоро переправились через реку Абукума. Слева - высокие горы Аидзунэ, справа - горная гряда, за которой лежат земли Иваки, Сома, Михару-но сё, Хитати, Симоцукэ. Когда мы проходили по Болоту Отражений - Кагэну-ма, небо было затянуто тучами, и на дороге ничто не отражалось188.

На станции Сукагава мы навестили Токю189, и он задержал нас на несколько дней. Прежде всею он спросил: «С чем прошли вы через заставу Сиракава?» И мы принялись рассказывать: «Измученные долгой дорогой, мы испытывали сильнейшую усталость и телесную, и душевную, к тому же заворожили нас окрестные виды, думы о прошлом истерзали сердце, и мысли наши были слишком неповоротливы. Но поскольку упускать такой случай показалось тем более обидным, то вот...

Вот первая встреча С поэзией Севера - песня.

"Сажающих рис".

К этой строфе была сочинена вторая, затем и третья, и в конце концов образовалось целых три свитка190.

Рядом с постоялым двором в тени большого каштана жил удалившийся от мира монах. Место это показалось мне очень тихим и уединенным, - наверное, так же было в тех далеких горах, где собирали конские каштаны «тоги»191, и я записал на первом попавшемся листке бумаги:

«Слово "каштан" - пишется знаками западное" и "дерево". Полагая, что связано оно с Чистой землей на Западе, Просветленный Гёги всю жизнь свою из этого дерева делал себе посохи и столбы для хижины.

Люди этою мира Пройдут мимо, цветов не заметив.

Каштан у стрехи».

Если выйти из дома Токю и пройти около пяти ри, то там, за постоялым двором Хивада, Асака. Совсем недалеко от дороги. Место вокруг болотистое. Приближалось время срезать водяной рис

кацуми, поэтому я стал расспрашивать людей: «А какую траву называют ханакацуми192?» - но не нашлось ни одного, кто бы это знал. Пока мы ходили по болотам, твердя: «Кацуми, кацуми», солнце опустилось за края гор. От Двух сосен - Нихонмацу повернули направо и, взглянув на каменную пещеру Куродзука193, заночевали в Фукусима.

Когда рассвело, мы отправились на поиски селения Синобу, желая посмотреть на камень Со Смятенным Узором194. Расположенное у подножья горы селение оказалось совсем маленьким, а сам камень наполовину ушел в землю. Какой-то деревенский мальчишка, подойдя, рассказал нам следующее: «В старину камень находился на вершине вон той горы, но жители деревни, рассердившись на прохожих, которые рвали зеленые злаки, чтобы испытать их на камне, сбросили его в долину, и он упал передом вниз». Что ж, похоже на правду.

Сажая ростки, Руки, привыкшие красить ткань, Так же проворно снуют...

Миновав переправу Лунный круг - Цуки-но ва, мы оказались у постоялого двора, название которому - Над стремниной - Сэ-но уэ. Место, где когда-то стоял дом правителя Сато19^, находится на расстоянии одного с половиной ри отсюда, если, повернув налево, идти вдоль края юр. Узнав, что это где-то на равнине Сабано, неподалеку от селения Иидзука, мы пошли туда, влекомые желанием непременно отыскать то, что осталось от этого славного жилища, и в конце концов оказались у Круглой горы - Маруяма. Здесь-то и находилась когда-то усадьба правителя Сато, Местные жители показали нам место у подножья, где можно было различить остатки главных ворот. Слушая то, что они рассказывали, я проливал слезы, к тому же рядом в старом храме сохранились погребальные камни всех домочадцев. Особенно тронули меня таблички с именами двух невесток196. «Даром, что женщины, слава об их отваге разнеслась по всему миру!» - подумал я, и рукава мои увлажнились. Вот вам и Камень Льющихся слез197, не так уж он далеко! Когда я вошел в храм и спросил чаю, оказалось, что в этом храме как драгоценные реликвии хранятся большой меч Ёсицунэ и дорожный сундучок Бэнкэя198.

Меч, сундучок - В дни пятой луны поставьте и их Рядом с бумажным змеем.

А было это в первый день пятой луны. В ту ночь заночевали в Иидзука. Там есть горячие ключи, поэтому мы сначала побывали в купальне, потом завели речь о ночлеге, и попали в очень бедный дом с обстановкой просто-таки нищенской, циновки лежали там прямо на земляном полу. Фонарей тоже не оказалось, воспользовавшись скудным светом от тлевших в очаге углей, мы кое-как устроили себе ложе и сразу же легли. Ночью гремел гром, все время лил дождь, крыша протекала прямо над тем местом, где мы лежали, блохи и комары кусались нещадно, так что уснуть не удалось. В довершение всего у меня начался приступ давно мучившей меня хронической болезни199, и я едва не испустил дух. Но вот наконец рассвело, и мы снова тронулись в путь. После дурно проведенной ночи я чувствовал себя неважно, поэтому мы наняли лошадей и поехали до станции Кори верхом. Хоть и тревожился я, не зная, позволит ли мне недуг одолеть лежащий впереди далекий путь, но все-таки постепенно сумел укрепить свой дух, да и в самом деле, коль скоро решился я пуститься в скитания по глухой провинции смиренным паломником, коль скоро отказался от мирской тщеты и постиг бренность суетных устремлений, то, даже если и суждено мне встретить смерть в пути, значит такова воля небес, - черпая бодрость в таких мыслях, я верно и свободно продвигался вперед, и скоро мы миновали Датэ-но Оокидо.

Когда остались позади замки Сироиси и Абумидзури и мы оказались в уезде Касадзима, то сразу же спросили у людей, где находится могила То-но тюдзё Санэкаты200. «Вон видите, справа вдали у подножья гор виднеются две деревеньки, - ответили нам, - их называют Минова и Касима. Там-то вы и найдете и само святилище бога-покровителя путников, и знаменитые "сухие стебли травы"»201. Мы чувствовали себя совершенно разбитыми, ибо дороги из-за летних ливней были скверными, а потому, взглянув на святилище издалека, не задерживаясь, двинулись дальше. Подумав, что в период летних дождей весьма кстати оказаться в Минова - Круг Плаща или в Касадзима - Остров Дорожной Шляпы, я сложил:

Остров Дорожной Шляпы, Где он? Размокли дороги В пору Пятой луны.

Заночевали в Иванума.

Сосна Такэкума202 и в самом деле приводит в изумление. Ясно, что дерево не утратило своего прежнего вида - раздваивается от самых корней. И уж конечно, сразу вспоминается монах Ноин203. Кажется, в те давние времена человек, который был назначен правителем в страну Митиноку, приказал срубить эту сосну и сделать из нее сваи для моста через реку Наторигава204, во всяком случае, не зря же Ноин сказал: «Не осталось и следа». Вот так одни поколения срубали сосну, другие ее снова сажали, однако ныне она выглядит так, как подобает выглядеть тысячелетней сосне, и радует взоры своим благолепием.

Сосной Такэкума Предстань перед взором путников, Поздняя вишня.

Такое стихотворение я получил на прощанье от человека по имени Кёхаку205.

Ещё глядя на вишни, Помышлял о сосне, вот она, предо мной.

Третья луна позади.206

Переправившись через реку Наторигава, оказались в Сэндае. Сегодня как раз устилают крыши листьями ириса207. Подыскав место для ночлега, решили остаться в Сэндае на несколько дней. Здесь живет художник, которого зовут Каэмон. Прознав, что ему не вовсе чужды возвышенные чувства, мы свели с ним знакомство. Он сообщил, что сумел разыскать многие воспетые поэтами места, о которых в наши дни почти никто ничего не знает, и целый день водил нас по окрестностям. В Миягино буйно разрослись хаги, невольно напоминая о том, как прекрасно здесь должно быть осенью. В Тамата, Ёконо и на Холме Азалий - Цуцудзигаока как раз цвел подбел - асэби. Были мы и в сосновом лесу, куда не проникали даже солнечные лучи, наверное, именно это место и называется Коносита - Под Деревьями! Видно, столь же обильная роса выпадала и в старину, не зря поэт сказал: «Челядинец, постой...»208. Осмотрели храм Якуси и святилище Небесного Бога209, а тут вскоре и день преклонился к вечеру. Каэмон еще и набросал на бумаге острова Мацусима и Сиогама, а также другие достойные внимания места, и рисунок

преподнес нам. Кроме того, он подарил нам на прощанье две пары плетеных сандалий-варадзи с темно-синими шнурками. Вот в подобных-то мелочах и выявляется истинная сущность таких чудаков любителей прекрасного.

Ирисы.

Ими привяжем к ногам сандалии, Чем не шнурки?210

Поглядывая на рисунок, подаренный нам Каэмо-ром, мы продвигались вдоль гор по Северной узкой тропе211, там растет десятиволоконная осока212. Говорят, что и теперь каждый год из этой осоки плетут циновки и подносят их местному правителю.

Памятный камень Кувшин находится возле замка Тага в селении Исикава.

Камень этот имеет в высоту что-то около шести с лишним сяку, а в поперечнике - около трех сяку. Отодвинув рукой мох, можно заметить чуть видные письмена. Они означают расстояние до всех четырех границ провинции. Еще там написано: «Замок сей был построен в первом году эры Дзинки213 господином Оно Адзумандо, начальником Управления Охраны и надзирателем местных земель. В шестом году эры Тэмпё-Ходзи214 он был перестроен господином Эми Асакари, советником, военным правителем земель Токайдо и Тосандо. Первый день двенадцатой луны». То есть этот камень относится скорее всего ко времени правления государя Сёму.

Хотя и дошли до наших времен многие возникшие еще в глубокой древности «изголовья песен»215, все же - горы рушились, реки меняли русла, прокладывались новые дороги, камни врастали в землю, деревья старели, на смену им подрастали новые - так шло время, одно поколение уступало место другому, и весьма трудно теперь различить их следы, однако вот перед нашим взором несомненная память, оставшаяся от тысячелетий и донесшая до нас думы и чаяния древних людей. Вот и награда паломнику, вот ради чего стоило задержаться в этом мире - забыв о мытарствах долгого пути, я стоял, проливая слезы.

После этого мы побывали у реки Тамагава в Иода, и в Оки-но иси. На горе Суэ-но Мацуяма216 стоит монастырь, он называется Массёдзан217. Между соснами повсюду виднеются могилы, и печаль моя еще более умножилась: «Вот он каков, конец клятв «станем птиц

неразлучной четою, будем раздвоенной веткой расти»218, а тут как раз из бухты Сиогама-но ура219 донесся звон вечернего колокола. Пасмурное небо пятой луны чуть посветлело, в тусклом лунном слете казалось, что остров Магаки-га сима совсем близко. Цепочкой тянулись к берегу рыбачьи лодки, прислушиваясь к голосам рыбаков, делящих рыбу, я понял чувства того человека, который сказал когда-то: «с печалью гляжу, как спускают на воду лодку...»220, еще большая грусть овладела душой. Вечером слепой монах, перебирая струны лютни-бива, пел то, что называют обычно «дзёрури221 северных провинций». Это было не Хэйкэ222 , и не Ковакамаи223, а какой-то громкий деревенский напев, звучавший весьма назойливо, ибо исполнитель находился совсем рядом с нашими изголовьями, но поскольку он не забывал о местных традициях, мелодия показалась нам не лишенной своеобразной прелести.

Рано утром отправились в святилище Сиогама-дзиндзя поклониться местному божеству. Здешний правитель позаботился о том, чтобы святилище было восстановлено в прежнем виде, и оно радовало глаз толстыми столбами, ярко крашенными стропилами, высокой - в девять дзин224 - каменной лестницей, утреннее солнце играло на изгороди, покрытой алым лаком. Я исполнился благоговения: подумать только, сколь прекрасны обычаи нашей страны, что даже на самом краю глухой провинции, у самых пределов «Пыльного обиталища»225 чудесным образом пребывают божества! Перед алтарем - древний храмовый фонарь. На железной дверце написано: «Третий год Бундзи, дар Идзуми Сабуро»226. Перед глазами словно встает пятисотлетнее прошлое, и есть какая-то неизъяснимая прелесть в этом удивительном ощущении. Идзуми Сабуро - муж великой доблести, помнящий о своем долге, преданный и почтительный сын. Слава его достигла наших дней, и всякий сочтет за честь последовать его примеру. Истинно, как говаривали в старину: «Человек должен упорно продвигаться вперед по Пути, указанному Буддой, и исполнять свой долг. Слава же найдет его сама».

Солнце близилось к зениту. Наняв лодку, мы переправились на Максима - Сосновые острова. Проплыв около двух с небольшим ри, пристали к песчаному берегу Одзима.

О да, пусть давно уже истерты эти слова, но все же повторю их еще раз: Мацусима - воистину самое прекрасное место страны Фусан227, и нам нечего стыдиться перед китайцами, имеющими озера Дун-тинху и Сиху. Море с юго-востока внедряется в сушу, образуя бухту длиной в три ри, приливы и отливы здесь не менее прекрасны, чем на реке Чжэцзян в Китае. Островов в заливе не перечесть - высокие устремляются к небу, низкие ползут по волнам. Некоторые громоздятся один на другой, соединяясь по два или по три, посмотришь налево - там-сям разбросаны отдельные островки, посмотришь направо - один за другим следуя, тянутся единой грядой. Вон тот островок взвалил другой на закорки, а вон еще один - прижимает соседний к груди - чем не отец с любимым сынком или дед с внуком? Ярко зеленеют сосны, ветки гнутся под порывами морского ветра, их причудливые изгибы как будто распрямляются сами. Эти необозримые дали столь прекрасны, что лишь нежной красавице их уподоблю228. Не иначе все эти острова сотворил бог гор Ооямадзуми в далекие времена стремительно-быстрых богов. Это чудесное творение божественных сил, и какой человек дерзнул бы взять кисть и описать словами подобную красоту?

Взморье Одзима, продолжая сушу, выдается далеко в море. На взморье сохранились следы отдельной кельи наставника в дзен УНГО и его камень для медитаций. Кроме того, в тени сосен я заметил случайно человека, отвратившегося от мира, он, очевидно, живет тут же рядом в уединенной хижине из трав, над которой как раз поднимался дымок от сжигаемой хвои и сосновых шишек, и хотя неведомо было мне, что это за человек, чувство невольной приязни влекло меня к его хижине, а между тем, в морской глади отразился лунный лик, и дневной пейзаж сменился вечерним. Вернувшись к берегу, мы поискали себе жилье, и в конце концов устроились на ночлег в двухэтажном домике с большими открывающимися окнами, право, есть ли миг отраднее, чем тот, когда странник преклоняет наконец голову на случайное ложе среди ветров и туч!

О, Мацусима!

Займи же обличье у журавля Сегодня, кукушка.

Сора

Замкнув уста229, я пытался заснуть, но сон все не шел ко мне. Когда я покидал свою старую хижину, Содо230 сложил о Мацусима стихи. А Хара Антэки231 подарил мне японскую песню о Мацу-га урасима. Развязав свой дорожный мешок, я извлек оттуда и стихи, и песню - и провел в их обществе остаток ночи. Были в мешке еще и строфы Сампу и Дакуси232.

На одиннадцатый день посетили монастырь Дзуйгандзи. Когда-то в старину, тридцать два правления тому назад, Макабэ-но Хэйсиро, удалившись от мира, уехал в Китай, вернувшись же, основал этот монастырь. Впоследствии, благодаря добродетелям и споспешествованиям наставника УНГО, была обновлена233 черепица семи молелен, засверкали золотом стены и алтарная утварь, возникли величественные храмы, прекрасные, словно воплощение Земли Вечного Блаженства. И сжала сердце тоска - а где же та давняя келья старца Кэмбуцу?234 На двенадцатый день отправились в Хираидзуми, намереваясь посмотреть на известную сосну Сестринский зуб - Анэха-но мацу и мост Порванная нить - Одаэ-но хаси, но в этой местности прохожие редки, даже тропы ловцов фазанов да дровосеков трудно различимы, так что в конце концов мы сбились с пути и вышли к гавани, которую называют Иси-но маки. Вдали над морем виднелась гора Золотого цветка - Кинкадзан, та самая, о которой когда-то сказано было: «Цветок из золота расцвел чудесный...»235, - в заливе толпились сотни кораблей, на берегу теснились людские жилища, и дымок от очагов поднимался над крышами. Да, могли ли мы помыслить, что окажемся в таком месте! Стали искать дом для ночлега, но не нашлось ни одного человека, который согласился бы нас приютить. В конце концов пришлось заночевать в какой-то убогой хижине, когда же рассвело, снова двинулись по неведомым тропам. Мельком взглянув на Переправу Рукав Содэ-но ватари, Мискантовое Пастбище - Обути-но маки, Тростниковую Равнину - Мако-но-каяха-ра, пошли по длинной дамбе. Миновав унылое Длинное болото - Наганума, переночевали в местечке под названием Тоима и наконец достигли Хираидзуми. Всего же пройдено было более двадцати ри.

Великолепие трех поколений236 краткий миг, за который успеет свариться похлебка237! Место, где некогда стояли главные ворота,

мы обнаружили, не дойдя одного ри до Хираидзуми, Усадьба Хидэхира давно сравнялась с землей, о ней напоминает лишь возвышающийся среди полей и лугов холм, который когда-то имел название юра Золотого петуха - Кин-кэйдзан238. Сначала мы поднялись к Высокому замку - Такадата239, откуда нашим взорам открылась большая река, текущая с юга - Китакамигава. Другая река - Коромогава огибает замок Идзуми240 и под Высоким замком впадает в Китакамигава. Остатки усадьбы Ясухира241 находятся за заставой Коромогасэки, похоже, что она закрывала южные подступы к Хираидзуми, ограждая замок от нашествий разбойников. О да, отобрав преданнейших из преданных вассалов, Ёсицунэ укрылся с ними здесь, в Высоком замке, но миг славы так краток, все исчезает под буйными травами. «Страна распадается с каждым днем. // Но природа - она жива: //И горы стоят, и реки текут, // И буйно растет трава...» вспомнилось мне и, «присев на дорожную шляпу» я долго сидел, роняя слезы.

Летние травы.

Доблестных воинов сны В них затерялись.

Цветы унохана - Будто пряди седые Канэфусьг243 Белеют в листве. Сора

Начинается церемония «открытия святынь» двух храмов244, о которой слухи давно уже волновали мое воображение. В Зале Сутр сохранились статуи трех военачальников245, а в Зале Света находятся усыпальницы трех поколений246 и три образа будд247. Семь сокровищ248 давно уже были бы разбросаны, драгоценные дверцы выломаны порывами ветра, позолоченные столбы сгнили бы от инея и снега, и в конце концов все развалилось бы и исчезло в буйных травах, когда 6 не окружили Залу со всех четырех сторон новыми стенами, и не покрыли бы все это черепичной крышей, дабы сберечь от ветра и дождя, так что стал он напоминанием об ушедших тысячелетиях.

Даже летние ливни Его пощадили, не потускнел Сияющий храм.

Устремляя мысленный взор свой далеко вперед к владениям рода Намбу250, заночевали в селении Ива-дэ. Отсюда мы собираемся идти к Огуросаки и Мид-зу-но одзима, и далее - от горячих источников На-руго к заставе Ситомаэ, затем перейдем в провинцию Дэва. По этой

дороге путники ходят редко, поэтому стражу мы показались подозрительными, но в конце концов нам удалось благополучно миновать заставу. Поднявшись на высокую гору, обнаружили, что день преклонился к вечеру, и, приметив неподалеку домик сторожа, попросились к нему на ночлег, течение трех дней лил дождь и бушевал ветер, ПОЭТОМУ вынуждены были оставаться в этих и горах.

Блохи и вши.

Лошадь мочится прямо У изголовья.

Хозяин сказал нам, что отсюда в Дэва надо идти через высокие горы, где легко сбиться с пути, поэтому лучше всего нанять проводника. «Ну что ж, раз так» согласились мы и попросили подыскать нам кого-нибудь, в результате доблестный молодец с мечом на боку и с дубовым посохом в руке повел нас через горы. Мы шли за ним, одолеваемые тревожными мыслями: «Ну, уж сегодня-то непременно попадем в беду». Хозяин оказался совершенно нрав: в высоких горах, густо поросших лесом, не было слышно даже птичьих голосов, внизу под деревьями царила кромешная тьма, ветер взметывал клубы пыли и песка до самых туч, мы пробирались сквозь заросли мелкого бамбука, переправлялись через ручьи, карабкались по скалам, покрывались холодным потом, и в конце концов вышли к Могами-но сё. По словам нашего проводника, на этой дороге можно ждать любых неприятностей. «Большая удача, - радовался он, прощаясь с нами, - что мне удалось провести вас так, что с вами ничего не случилось». Его слова заставили нас содрогнуться, хотя все уже было позади.

В Обанадзава мы навестили человека, которого зовут Сэйфу. Он богат, но устремления у него вовсе не вульгарные. Сэйфу часто бывает в столице, и чувства странника хорошо ему знакомы, поэтому он задержал нас на несколько дней, делая все, чтобы мы забыли о тяготах долгого пути.

Окутан прохладой, Как будто в своей постели Разнежился.

Ползи же ко мне!

Где-то в саду под сторожкой Стонет жаба25

1Кисточку для бровей Вспомнил невольно, увидев Цветок сафлора252

Хозяин шелкопрядов Как будто явился к нам Из давних столетий.

Сора

На земле Ямагата есть горный монастырь, который называется Риссякудзи. Он основан великим учителем Дзикаку253, здесь царит дух особой чистоты и покоя. Многие говорили нам, что на него нужно взглянуть хотя бы одним глазком, потому мы и решили пойти туда, невзирая на то, что пришлось вернуться на семь ри назад от Обанадзава. Солнце стояло еще довольно высоко. Договорившись о ночлеге в монашеской келье у подножья, поднялись к горной обители. Повсюду нагроможденье скал и утесов, на них стареют сосны и кипарисы, земля и древние камни лоснятся от мха, храмы на вершине закрыты, ни единый звук не нарушает тишины. Мы огибали обрывы, карабкались по камням, и когда взорам нашим открылась, наконец, священная обитель, душа исполнилась чистоты и покоя от этой красоты и умиротворяющей тишины.

Тишина.

Насквозь пронизаны скалы Звоном цикад.

Собираясь далее плыть по реке Могами, мы пережидали непогоду в местечке под названием Оисида. Здесь когда-то были брошены в землю семена древнего искусства хаикаи, и люди стремятся душой к давним, незабываемым временам его расцвета, а потому, желая смягчить сердца, привыкшие петь под свист простой дудки, пытаются нащупать правильный путь, но блуждают, не зная, какую дорогу из двух предпочесть - новую или старую254, человека же, который мог бы их направить, нет, - вот и пришлось нам оставить здесь один свиток нанизанных строф. Таким образом, наше изящное искусство достигло и этой отдаленной земли.

Река Могами берет начало в Митиноку, верхнее же ее течение в Ямагата. Есть на ней чрезвычайно опасные места, такие, к примеру, как Готэн или Ха-ябуса. Она протекает к северу от горы Итадзикияма и впадает в море Саката. Справа и слева нависают над рекой горы, вниз по теченью среди буйной зелени плывут лодки. Некоторые из них гружены рисом, наверное, именно их и называют «рисовые лодки» - инабунэ. Водопад Белая нить - Сираито - падает с высокой вершины, возникая то там, то здесь средь зеленой листвы, а на берегу стоит Обитель Бессмерт-Сэнниндо255. По многоводной и бурливой реке плыть на лодке опасно.

Летние ливни Вобрав, мчит свои воды Река Могами.

На третий день шестого месяца поднялись на гору Хагуро. Сначала мы наведались к человеку по имени Дзуси Сакити, потом были приняты святейшим Эгаку, предстателем здешней обители. Он окружил нас трогательными заботами, поместив в уединенном храме Минамидани.

На четвертый день в келье святейшего Эгаку занимались нанизыванием строф.

Благодать!

Торный снег напоен ароматом Южной долины,

На пятый день посетили святилище Временного обличья256. Не знаю, при каком именно правлении жил его основатель, великий учитель Нодзё. В Установлениях годов Энги257 говорится о святилище УСЮсагояма. Возможно, при переписке знак «куро» - «черный» был заменен двумя похожими на него знаками «селение» и «яма» «гора». Или же, наоборот, в названии Усюкурояма пропустили второй знак «ею», и стали читать все слово как Хагуро258. Что касается названия Дэва - Торчащие перья, то в «Описаниях земель», кажется, говорится о том, что оно дано этой провинции потому, что ее жители должны были платить дань птичьими перьями. Обитель на горе Хагуро, вместе с двумя другими на горе Гассан и горе Юдоно, входит в состав так называемого Трехгорья провинции Дэва и подчиняется Восточному монастырю Эйдзан, который находится в Эдо. Чистым и ярким светом здесь луна созерцания Небесной опоры259, высоко поднят светильник Полноты-Мгновенности-Свободы260, монашеским кельям нет числа, с усердием превеликим свершаются обряды, божественной милостью осененные приделы повергают людей в Благоговейный трепет. Бесконечно благоденствие священной обители, истинно, благословенной можно ее назвать.

На восьмой день поднялись на гору Гассан. В оплечьях из священных волокон, в веревочных наголовнях, ведомые человеком, которого называют здесь горным носильщиком, мы около восьми ри брели по крутым тропам сквозь тучи и туманы, вдыхая горный воздух, ступая по льду и снегу, в конце концов нам стало казаться, что мы вот-вот перейдем через облачную заставу и выйдем на дорогу

небесных светил, когда же, с трудом переводя дух, закоченевшие от холода, мы добрались до вершины, солнце зашло, и на небо выплыла луна. Устроив себе ложе из мелкого бамбука-аса, а в изголовье положив тростник-сино, улеглись и принялись ждать рассвета. Когда вышло солнце, и рассеялись тучи, начали спускаться вниз к Юдоно.

Неподалеку от ущелья находится кузница. Кузнецы этих земель, избрав божественную воду для очистительных омовении, издавна ковали здесь мечи, позже они стали высекать на них слово «гас-сан», и под этим именем мечи стали известны всему миру. УЖ не закаливали ли их в знаменитом Драконьем Ключе261? Душа устремляется к тем временам, когда жили Гань Цзян и Мое262, и начинаешь понимать, на что способен человек, достигший подлинного мастерства на своем поприще. Когда, присев на камень, мы наслаждались непродолжительным отдыхом, то заметили, что на вишне, которая и была-то всего в три сяку высотой, наполовину раскрылись бутоны. Как трогательно, что эта поздняя вишня, занесенная снегом, не забыла о весне. Будто повеяло ароматом сливы, расцветшей в жаркий день263. К тому же вспомнилась мне исполненная удивительной прелести песня настоятеля Гёсона264, и душа исполнилась еще большего умиления. Правила здешней обители запрещают рассказывать другим о местных приметах. Поэтому больше я не стану ничего описывать и откладываю кисть. Вернувшись в келью, мы по просьбе почтенного настоятеля начертали на узких бумажных полосках-тандзаку строфы о своем паломничестве на Три горы.

Прохладно.

Зыбкий свет трехдневной луны Над юрой Хагуро.

Гряда облаков Вдруг распалась, явив очертания Лунной юры.

Не узнает никто О том, что промокли мои рукава На горе Юдоно.

Гора Юдоно.

Бреду, по монетам ступая, И слезы из глаз265.

Сора

Покинув Хагуро, мы дошли до селения Цуругаока. где были приняты в доме одного воина из рода Нага-яма, имя его Дзюко. Там мы занимались сложением строф, в результате чего возник один свиток. До Цу-ругаока нас проводил Сакити. Оттуда на лодке

спустились к гавани Саката, Ночевали в доме врача, который называет себя фугёку из Хижины над Пучиной.

От Знойной горы До Ветреной бухты - повсюду Вечерняя свежесть.

Знойный день За собой увлекает в море Река Могами.

Насладились всеми возможными пейзажами - и горными и морскими, наконец, настала пора истомить душу видами Кисаката. От гавани Саката двинулись к северо-востоку и прошли около десяти ри, переходя через горы, пробираясь вдоль моря по каменистым отмелям, увязая в песке, когда же солнце склонилось к горным вершинам, ветер взметнул вверх песок, брызнул туманный дождь и скрыл от взора гору Тёкай. Приходилось пробираться в темноте на ощупь, потому, решив, что раз уж эта местность так живописна во время дождя, то она будет тем более прекрасна, когда прояснится, мы зашли в одну из рыбацких хижин, дабы переждать там дождь.

Наутро небо расчистилось, ослепительно сияло солнце, поэтому мы сели в лодку и поплыли по заливу Кисаката. Первым делом мы направили лодку к острову Ноина, где отыскали следы уединенной хижины, под крышей которой он провел три года, затем вышли из лодки на противоположном берегу и оказались у старой вишни, хранившей память о Сайгё: ведь это здесь сложил он когда-то: «Плывут по цветам...»266 На берегу залива есть старинное погребение, говорят, что здесь была похоронена государыня Дзингу267. Здешнюю обитель называют Канмандзюдзи268. Так или иначе, я никогда не слышал, чтобы здесь изволили бывать высочайшие особы. Кто знает, что было на самом деле? Когда, устроившись в келье этой обители, мы подняли тростниковые шторы, перед нами как на ладони раскинулись все окрестные виды: на юге подпирает небо гора Тёкай, под нею в заливе еще одна - ее отражение. На западе дорога, теряющаяся в туманной дали, ведет к заставе Муямуя, на востоке виднеется дамба, по которой пролегает путь в далекие края Акита, на северном берегу, там, куда докатываются морские волны, находится место, которое называют Сиогоси - Перекат. Весь залив и вдоль и поперек - не более одного ри, он напоминает Мацусима, но все же есть между ними и различие. Мацусима словно улыбается, Кисаката же словно хмурится. Есть в

этой бухте что-то грустное и печальное, кажется, она чем-то удручена и пребывает в дурном расположении духа.

Кисаката.

Фигурка Си Ши под дождем.

Акация - нэму...269

Сиогоси.

Ноги промокли у журавлей.

Морская прохлада.

Праздник в святилище:

Кисаката.

Какими яствами чествуют здесь Местных богов?

Сора Рыбачья хижина.

На ставню присяду на миг Вечерняя свежесть.

Тэйдзи, Торговец из Мино

Увидев гнездо скопы на утесе у моря:

«Не удастся волне...» И они верной клятвой связаны - Скопы в гнезде.270

Удрученные мыслью о предстоящей разлуке, еще на несколько дней задержались в Саката. Впереди теряется в облаках путь к северным землям, мысли о чужедальней дороге болью отзываются в душе, да и понятно: говорят, что до замка Ката сто тридцать ри. Перейдя через заставу Нудзу, мы вступили в провинцию Эгиго и далее шли до заставы Итибури, за которой начинается земля Эттю. За эти девять дней жара и сырость изнурили мой дух, и, занедужив, я ничего не записывал.

Седьмая луна.271 Ночь шестая, но небо Такое прекрасное!

Бурное море.

До острова Садо раскинулась Небесная река.272

Сегодня мы миновали самые труднопроходимые места Северных земель: Оясирадзу - «Не оглядываясь на отца», Косирадзу - «Не оглядываясь на сына», Инумодори - «Собаки бегут назад», и Комагаэси - «Лошадь поворачивает вспять» - и совершенно выбились из сил, поэтому, добравшись до постоялого двора, я тут же устроил себе ложе и лег, однако заснуть мне не удалось: рядом, в соседней комнате, которая была ближе к веранде, разговаривали две молодые женщины. Иногда доносился и голос пожилого мужчины, который им

что-то рассказывал. Прислушавшись, я понял, что мои соседки - веселые женщины из местечка под названием Ниигата провинции Этиго. Судя по всему, они шли на поклонение в святилище Исэ, мужчина же, проводив их до этой заставы, завтра должен был возвращаться обратно, и они писали письма и давали ему всякие пустяковые поручения. Женщины сетовали на свою горестную участь, сокрушались, что осуждены вечно скитаться по берегам морским, о которые «бьют белопенные волны», влачить нищенское существование в мире, где они, что «дитя рыбака...» 273, печалились, что так горестна и зыбка жизнь, бросающая их от одного случайного обета к другому и обрекающая на беспросветное будущее... Прислушиваясь к их голосам, я постепенно погрузился в сон, а наутро, когда мы готовы были двинуться дальше, они, проливая слезы, принялись просить нас: «Неведомо, что ждет нас впереди, дорога опасна, а мы чувствуем себя совсем беспомощными, позвольте нам незаметно следовать за вами. Явите же милосердие, вашему платью сообразное, поддержите нас на этом нелегком пути». Нельзя было не пожалеть их, но разве могли мы ответить согласием? «К сожалению, нам часто приходится задерживаться в разных местах, - ответили мы. - Вам лучше идти одним, следуя примеру других людей. Светлые боги непременно уберегут вас и помогут избежать несчастий». С этими словами мы вышли за ворота, но долго еще печаль омрачала мою душу.

Под кровом одним С прелестницами ночлег - Цветы и луна.

Так я сказал Сора, и он записал это стихотворение274.

Кажется, место это называлось Сорок восемь протоков Куробэ - переправившись через множество бесконечных речушек, мы вышли к заливу Наго. Подумав, что неплохо было бы посмотреть на глицинии Тако275, - правда, сейчас не весна, но ведь и в эти первые осенние дни они должны быть по-своему хороши, мы спросили дорогу у местных жителей, и услышали вот что: «Пройдете около пяти ри вдоль побережья, потом подойдете к подножию вон той горы. Только вот место там дикое, есть несколько рыбачьих лачуг, но вряд ли кто-нибудь согласится приютить вас даже на одну краткую, как коленце бамбука, ночь». Напуганные такими словами, мы отправились в Кага.

Рис молодой.

Бредем сквозь его аромат.

Справа море Арисо.

Мы перевалили через гору Унохана, миновали долину Курикара-га-тани276 и на пятый день середины Седьмой луны пришли в Канадзава, Тут живет один человек, по имени Касё, он купец и часто бывает в Осака. Заночевали вместе на его постоялом дворе.

Человек, называвший себя Иссё277, любил хайкай, слава его незаметно распространилась по миру, и многие знали его, но прошлой зимой он безвременно покинул этот мир, и теперь его старший брат решил почтить его память. По этому случаю я сложил:

Дрогнет даже могила Мой рыдающий голос над ней Ветром осенним...

Будучи приглашенными в одну травяную хижину:

Осенняя свежесть.

Пусть каждый себе очистит Тыкву иль баклажан.

Сложил в пути:

Огненно-красное Солнце - будто еще не подул Осенний ветер...

В местечке, которое зовется Сосенки - Комацу...

Милое имя!

По Сосенкам ветер гуляет, волнуя Кусты хаги, метелки мисканта.

Посетили святилище Тада. Здесь хранится шлем Санэмори278 и кусок парчи от его платья. Кажется, и шлем, и платье он получил от князя Ёситомо в те давние времена, когда служил роду Минамото. Он и в самом деле был незаурядным воином. Шлем от козырька до боковых отворотов «фукикаэси» украшен резьбой - орнаментом из хризантем и заморских трав и инкрустирован золотом, нашлемник «голова дракона» украшен двумя изогнутыми рогами - «кувагата». В летописи святилища ярко, во всех подробностях рассказывается о событиях того времени: о том, как после гибели Санэмори в Кисо Ёсинака вместе с молебной запиской передал этот шлем святилищу, как появился здесь его гонец, Хигу-ти Дзиро279.

Жестока судьба!

Под славным шлемом сегодня Ютится кузнечик.

Шагая по дороге к горячим источникам Яманака, мы все время имели за спиной вершину Белого корня Сиранэ-га такэ. Слева у

подножия гор расположен храм Каннон. Известно, что, после того как государь-инок Кадзан совершил паломничество по Тридцати трем обителям280, он установил здесь изображение Великомилосердной заступницы, Великой печальницы, и назвал это место Ната. Скорее всего, он взял по первому слогу от названий Нати и Танигуми. Среди причудливых каменных глыб растут старые сосны, на вершине утеса стоит небольшая крытая мискантом молельня - да, место это и в самом деле замечательное.

Камней Исияма281 Белее этот студеный Осенний ветер.

Окунулись в горячий источник. Говорят, что по своему живительному действию здешние источники почти не уступают источникам Ариакэ.

Яманака.

Хризантем и не трону - запах Горячих ключей283.

Здешнего хозяина зовут Кумэносукэ, он совсем еще ребенок. Его отец очень любил хайкай, настолько, что приехавший сюда однажды совсем еще молодой Тэй-сицу284 почувствовал себя посрамленным его мастерством и, вернувшись в столицу, поступил в ученики к Тэйтоку285, после чего слава о нем распространилась по миру. Говорят, что, став знаменитым, Тэйсицу никогда не брал с этой деревни плату за исправление строф286. Но все это - преданья далекой старины.

Сора страдал от болей в желудке, а поскольку один из его родственников жил в провинции Исэ, в местечке Нагасима, то он решил, расставшись со мной, идти прямо туда. На прощанье он оставил мне такие строки:

Пускай где-то в пути Упаду и больше не встану Эти хаги со мной...

Сора

Велика печаль того, кто уходит, велика досада того, кто остается, словно одинокие утки блуждают в облаках. Я тоже сложил:

Сегодня сотру Имя твое, на шляпу Ляжет роса. 287

Остановился на ночлег в обители Дзэнсёдзи, за пределами селения Дайсёдзи. Это все еще земля Кага. Сора тоже ночевал здесь прошлой ночью, вот что он мне оставил:

Ночь напролет Слушаю: ветер осенний шумит За домом в горах.

Разлуке нашей всего одна ночь, а кажется, что между нами тысяча ри. Устроившись на ночлег в общей келье, я тоже прислушивался к шуму осеннего ветра, но вот небо посветлело, и послышались светлые голоса читающих сутру, скоро донеслись звуки била, и я пошел в трапезную. Сегодня я должен идти в Этидзэн, а потому спешил пораньше спуститься в сад, но молодые монахи, с бумагой и тушечницей, гурьбой следовали за мной по пятам до самого низа лестницы. В этот миг с ивы в саду осыпались листья, и я торопливо написал, уже в сандалиях:

Двор подметя288 Шагнул за ворота, но ива у храма Уронила листву.

Подойдя к границе Этидзэн, я сел в лодку в бухте Ёсидзаки и, оттолкнувшись шестом, поплыл к Сосне на Перекате - Сиогоси-но мацу.

Ночь напролет Буря волны вздымает.

И лунный свет Стекает капля за каплею С веток сосны Сиогоси.

Сайге289

Одной этой песней исчерпана красота многих видов. Добавлять к ней еще хоть слово - все равно, что отращивать ненужный палец290. Со старцем из монастыря Тэнрюдзи в Маруоке меня связывало давнее знакомство, поэтому я решил навестить его. Кроме того, некто Хокуси из Канадзавы, намереваясь проводить меня, дошел вместе со мной как раз до этого места. В пути он не пропускал ни одного живописного вида, размышлял обо всем увиденном и время от времени делился со мной своими прекрасными замыслами. Теперь же пришла пора прощаться, и я сказал:

Исписанную Бумагу срываю с веера.

Печаль расставанья.

Пройдя пятьдесят те по горной тропе, посетил монастырь Эйхэйдзи. Это обитель учителя Догэна. Наверное, он руководился самыми благородными побуждениями, оставляя память о себе здесь, в далеких горах, на расстоянии тысячи ри от столицы.

Фукуи в трех ри отсюда, поэтому после ужина снова двинулся в путь, но в наступающих сумерках продвигался весьма неуверенно. В Фукуи живет старик-отшельник по имени Тосай. Однажды, не помню точно в каком году, он приехал в Эдо нарочно, чтобы навестить меня.

Было это давно, лет десять с лишним тому назад. Стал я расспрашивать о нем: очень ли одряхлел, да и жив ли вообще, и мне сказали, что он в добром здравии, и указали место, где он живет. Свернув в сторону от шумных городских улиц, я подошел к бедной хижине: по стенам вились стебли «вечернего лика» и луффы, «петушиные гребни» и кусты кохии прятали от взора калитку. «Да, это здесь», - подумав, я постучал в дверь, и на стук вышла какая-то невзрачная женщина. «Откуда изволит пожаловать почтенный монах? - спросила она. - Хозяин ушел к одному человеку, живущему по соседству. Коли есть у вас какое дело, вы можете найти его там». Было ясно, что это жена Тосая. Домик же был таков, какие описывают в старинных повестях. В конце концов, мне удалось разыскать старца, и я провел в его доме две ночи, затем продолжил свои путь, рассчитывая полюбоваться полной луной в гавани Цуруга. Тосай пожелал сопровождать меня и, забавно подоткнув подол своего платья, бодро двинулся вперед, показывая мне дорогу.

Скоро вершина Белого корня - Сиранэ-га такэ исчезла из виду и впереди показалась вершина Хина-га такэ. Перешли через мост Асамудзу, и вот он - тростник у залива, уже весь в метелках. Миновали Соловьиную заставу - Угуису-но сэки, прошли через перевал Юноо, послушали первые крики гусей в горах Каэруяма у замка Хиути и, на четырнадцатый день к вечеру добравшись до гавани Цуруга, позаботились о ночлеге. В ту ночь луна была особенно яркой. «Наверное, и завтра ночью будет так же», - предположил я, но хозяин ответил: «В наших северных краях трудно предугадать, какова будет следующая ночь ясная или пасмурная», и угостил нас вином, после чего мы отправились поклониться святилищу Кэи. Там находится усыпальница государя Тюай291. Благоговейный трепет охватывает при виде древних храмовых стен, лунный свет льется сквозь ветви сосен, и белый песок перед святилищем сверкает, словно покрытый инеем. «Давным-давно Второй патриарх, преподобный Таа, дать изволив вели кий обет, собственноручно скосил траву вокруг святилища, принес камни и песок, высушил болота, избавив таким образом приходящих сюда паломников от дорожных невзгод. Так и повелось с тех пор приносить к святилищу

белый песок292. Это называется «принос песка"», вот что рассказал мне хозяин постоялого двора.

Блики светлой луны На песке, принесенном сюда Святыми отцами.

На пятнадцатый день, как и предсказывал хозяин, пошел дождь.

Полнолуние.

Но погода на севере Так переменчива.

На шестнадцатый день небо прояснилось, и, решив набрать пурпуровых ракушек293, мы сели в лодку и направили ее к Цветному побережью - Иро-но хама. Если плыть по морю, то это в семи ри от Цуруга. Человек, которого звали Тэнъя, любезно позаботился о том, чтобы подготовили коробки с едой и бамбуковые сосуды с вином, приказал множеству слуг сопровождать нас, и, влекомые попутным ветром, мы добрались в мгновение ока. На побережье среди редких рыбацких хижин одиноко стоит храм Хоккэдэра. Там мы выпили чаю, подогрели сакэ, и это помогло справиться с тоской, которую навевали наступающие сумерки.

Как же тоскливо!

Этот залив не уступит и Сума Осенней порой.294

Отхлынет волна Вперемешку с ракушками - сор Из лепестков хаги.

Я попросил Тосая записать все, что произошло в тот день, записи эти мы оставили в храме.

Роцу встретил меня в Цуруга, чтобы вместе идти в Мино. Наняв лошадей, мы добрались до Оогаки, где встретились с пришедшим из Исэ Сора, а скоро, подгоняя коня, появился Эцудзин, и мы собрались в доме у Дзёко. И днем и ночью навещали меня старинные друзья: Дзэнсэн, отец и сын Кэйко и многие другие. У меня возникло чувство, будто я вижу людей, которые, давно покинув этот мир, возродились в ином обличье, отчего было и радостно, и немного грустно. Дорожная усталость еще не покинула меня, но поскольку шел уже шестой день Долгой луны, я снова сел в лодку, надеясь успеть поклониться святыням Исэ295.

На две половинки Заспалась ракушка. В Футами Уходит осень.196

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

И пресно-сухое и сочно-яркое, и могучее и эфемерное многое прошло перед взором учителя, когда путешествовал он по северным тропам: беспечно пускаясь в путь, восторженно хлопал п ладоши, опуская голову на изголовье, запечатлевал увиденное в душе. Иногда надевал плащ и шел вперед, влекомый духом странствий, иногда, присев у дороги, наслаждался прекрасным видом. И так, сотней разных чувств обуреваем, русалочьим жемчугом слез смачивал кисть. И это все - странствия, это вместилище дарований! Жаль одного - что оказался человек этот слишком слаб и что прибавилось у него в бровях седины.

Написал Сорю297, начало лета Седьмого года Гэнроку (1694)

ДНЕВНИК ИЗ САГА Четвертый год Гэнроку, год Овцы, стихия металла, 18-й день месяца Заща298 Бродя по Сага, навестил Кёрая в его хижине Опадающей хурмы - Ракусися299. Со мной был и Бонтё300, но когда смерклось, он вернулся в столицу. Я же остался, ибо таково было желание хозяина, нарочно обновившего сёдзи, очистившего сад от зарослей хмеля и предоставившего мне для ночлега уголок в своей хижине. Он поставил в мою комнату столик, положил тушечницу, разместил рядом сундучок для книг, в котором я нашел собрание произведений господина Бо301, Императорскую антологию «От одного поэта по одному стихотворению»302, «Повесть о передаче мира»305, «Повесть о Гэндзи»304, «Дневник из Тоса»305, Собрание «Сосновая хвоя»306, приготовил пятиярусную шкатулку из расписного китайского лака, наполненную разными сладостями, и присовокупил к ней кувшинчик отменного сакэ и чарку. Постельные принадлежности, равно как и кое-какую немудреную снедь, я привез с собой из столицы, а потому всего у меня оказалось вдоволь. И вот, позабыв всегдашней своей нищете, наслаждаюсь чистотой и покоем.

19-й день Примерно в середине часа Лошади307 отправился в храм Ринсэндзи. Перед ним течет река Ои, справа высится гора Арасияма, еще правее - селение Мацуо. На дороге - толпы паломников: одни спешат к храму поклониться бодхисаттве Кокудзо308, другие бредут обратно. В бамбуковой чаще в Мацуо есть место, которое зовут усадьбой Кого309. Впрочем, таких мест в Верхнем и Нижнем Сага - три, и как сказать, какое из них настоящее? Поскольку рядом находится мост Придержи Коня - Комато-мэ-нр

хаси, у которого якобы осадил своего коня Накакуни310, то почему бы не предположить, что это было именно здесь? Могила же находится в бамбуковой роще неподалеку от Трех Чайных домиков. Рядом - вишня, ее посадили нарочно для того, чтобы заметить место. Да, даже тот, кто по милости благодетеля спит на ложе из парчи или узорчатого шелка, в конце концов, становится сором и пылью в бамбуковой чаще. Как тут не вспомнить былые дни, когда зеленели ивы в деревне Чжаоцзюнь и цвели цветы у усыпальницы феи с горы Ушань311?

Печально!

Каждый станет ростком бамбука - таков Удел человека.

Гора Бурь - Араси.

В бамбуковой чаще ветер Тропу проложил.

Когда солнце стало клониться к западу, вернулся в Хижину Опадающей хурмы. Из столицы приехал Бонтё. Кёрай уехал в столицу. Легли спать.

20-й день Пришла монахиня Уко312, она хочет посмотреть на праздник в северном Сага313.

Из столицы вернулся Кёрай. Прочел строки, которые сочинил по дороге сюда:

Друг друга тузят Мальчишки им точно по росту Поле пшеницы314

Хижина Осыпающейся хурмы не обновлялась с тех пор, как была построена при прежнем хозяине, и кое-что уже обветшало. И все же нынешнее печальное запустение трогает душу куда больше, чем былое благополучие. Покрытые резьбой балки и расписные стены искорежены ветрами, пропитаны влагой дождей, причудливых форм камни и диковинных очертаний сосны исчезли под разросшимся хмелем, но перед бамбуковым настилом галереи благоухает покрытое цветами мандариновое деревце юдзу:

Цветы мандарина.

О прошлом, верно, тоскует Зала для трапез...

Кукушка.

Проникает в чащу бамбуковую Лунная ночь.

Монахиня УКО

Я снова приду.

К тому дню подрумяньте ягоды, Горы Сага.

Жена старшего брата Кёрая прислала нам сладости и разные коренья. Сегодня ночью супруги Бонте остались ночевать, так что под одним москитным пологом пришлось лечь впятером - голова к голове, спать в такой тесноте было трудно, и едва перевалило за полночь, все поднялись и, вытащив приготовленные на следующий день сладости и чарки, оставшееся до рассвета время скоротали в беседе. Как-то прошлым летом мы заночевали в доме Бонте и оказалось, что под одним пологом, покрывавшим площадь в два дзе315, собрались люди из четырех провинции316. Вспомнив теперь сложенные в тот раз строки: «В четырех головах - разные мысли // И сновидений // Четыре вида317» - мы развеселились. Когда рассвело, УКО и Бонтё вернулись в столицу. Кёрай же остался.

21-й день Вчера ночью не спал, настроение скверное, да и погода - не то что вчера: небо хмурится с самого утра, временами принимается идти дождь, поэтому весь день провел в постели. Когда смерклось, Кёрай ушел в столицу. Вечер скоротал в одиночестве, а поскольку целый день лежал, то ночью не смог заснуть, и истомленный бессонницей, извлек свои старые записи, сделанные еще в Призрачной обители, и принялся их переписывать набело.

22-й день С утра шел дождь. Сегодня никто не приходил, от скуки записывал всякие пустяки, просто так, чтоб развлечься. Вот кое-что из записанного:

Душой соблюдающего траур владеет печаль, душой пьющего вино владеет радость. Когда преподобный Сайге сложил: «Тишина и покой. //И когда б не они...»318 , его душой владели тишина и покой. Еще он сложил:

В горную келью Кого ты еще зовешь, Зовущая птица, Ведь я собирался здесь В одиночестве жить...

Нет ничего более приятного, чем жить в одиночестве. Отшельник Тесе319 говаривал: «Ежели гость обретает полдня покоя, хозяин теряет полдня покоя». Содо всегда восхищается этими его словами. Я тоже сложил как-то, когда в одиночестве жил в одном монастыре:

Тягостно жить, Подари мне покой одиночества, Кукушка,

К вечеру пришел посланец с письмами от Кёрая. Оказывается, в столицу из Эдо вернулся Отокуни320 и привез с собой множество писем от моих старинных друзей и учеников. Меж ними было и

письмо Кёкусуя321, в котором тот писал, что навестил оставленную мною Банановую хижину и встретился с Соха322.

Кто-то в прежние дни Мыл здесь кастрюли. Цветут фиалки в траве.

Еще он писал:

Мое жилище длиной примерно в два лука325, рядом не видно никакой зелени, кроме одного-единственного клена.

Коричневеют Почки на клене, но и им Красоваться лишь миг.

А вот что написал Рансэцу324:

Вараби.

Выбираю из сора бережно Расточки дзэммай.325

Меняют прислугу326 И все ребятишки в доме Сегодня грустят.

В остальных письмах было много трогательного, милого и только.

23-й день

Хлопнешь в ладоши - Эхо, за ним на светлеющем небе Круг летней луны...

Ростки бамбука.

Так было весело их рисовать В детские годы.

Жаворонок Льет слезы на землю. В поле Румянятся злаки.

День ото дня.

Все румяней колосья. В небе Жаворонок поет.

Бесталанный, Носом клюю. Пискотня Надоедной пищухи.

На тему «Хижина опадающей хурмы»:

Бонтё

И поле фасоли, И этот сарай дровяной Равно знамениты.

К вечеру из столицы вернулся Кёрай.

Письмо от Сёбо327 из Дзэдзэ.

Письмо от Сёхаку328 из Оцу.

Пришел Бонтё. Потом появился Сэнна329 настоятель храма Хомпукудзи в Катата, он пришел нас навестить и остался ночевать.

Бонтё ушел в столицу.

25-й день Сэнна ушел в Оцу.

Нас навестили фумикуни330 и Дзёсо331 На тему «Хижина Опадающей хурмы»:

Дзёсо

В Сага, в горной глуши мой одинокий приют.

Лишь птицы и звери со мною живут по соседству.

Буйные травы заглушили тропинки в саду.

Грубому жителю гор теперь я подобен, На ветках хурмы сегодня уже не висят Огненно-красные яйца драконьи.

Зеленеет листва - но что может быть лучше Для понимания темы, для упражнений в письме?

Посетив могилу Кого:

Дзёсо

Обиду горькую лелея в сердце Оставила ты тайные покои.

Льет в келью свет осенняя луна Тоскливо завывает горный ветер.

Здесь отыскал тебя когда-то Накакуни, Влекомый нежным струн звучаньем.

И где теперь искать твою могилу, Затерянную в зарослях бамбука.

Едва проросла, И уже - два крепких листочка.

Косточка хурмы.

Фумикуни

Сложено в пути:

Кукует кукушка, А вместо слив или вишен Дерево эноки.

Стихи Хуан Шаньгу о его чувствах:

Затворив ворота, сочиняет стихи Чэнь Угри, Принимая гостей, играет стихами Цинь Шаою332.

Пришел Отокуни, беседовали с ним об Эдо. А также забавлялись, нанизывая строфы - сколько успеется за то время, пока не сгорят пять бу333 свечи. Вот некоторые из них:

Полумонах.

Горшочек с целебной мазью За пазухой припасен.

Перевал Усуи разумнее Переезжать верхом.

Кикаку

Корзинка с едой у пояса, Сводит с ума луна.

После урагана Единственную лачугу Ссыльному уступлю.

Торы Уцу.

Попрошу у хозяйки постель И на покой.

За обман попеняв, прощаю - Постный сегодня день.

Кикаку

Примерно в стражу Обезьяны334 поднялся ветер, хлынул дождь, разразилась небывалая, с градом, гроза. Градины огромные, каждая весом в три моммэ335. Град обыкновенно бывает, когда Дракон

пролетает по небу. Большие градины персик, маленькие величиной с мелкий каштан.

26-й день

Едва проросла, И уже - два крепких листочка.

Косточка хурмы.

Фумикуни

По огородам разбросан сор - белеют цветы унохана.

Басе

Улитка С таким беспомощным видом Рожками трясет.

Кёрай

Пока люди черпают воду, Бадья терпеливо ждет.

Дзёсо

На рассвете Скороход - в третий раз за месяц - Отправляется в путь.

Отокуни

27-й день Никто не приходил, обрели целый день покоя.

28-й день Во сне беседовал с Тококу336, проснулся в слезах. Сны возникают, когда душа входит в соприкосновение с чем-либо337. Когда исчерпано начало ин, снится огонь. Когда слабеет ё338, снится вода. Говорят, что если тебя клюнет летящая птица, приснится полет. Если ляжешь на свой пояс, приснится змея. И «Записки во сне»339, и «Государство Хуайаньго»340, и «Сон Чжуан-цзы о бабочке»341 - основаны на вполне разумных причинах, и нет в них ничего удивительного. Мои сны - это не сны великого Конфуция342. Когда целый день чувства в смятении и мысли в разброде - то и в ночных снах, естественно, преобладает начало ин. То, что приснилось мне, пожалуй, можно назвать сном, «вызванным мыслями»343. Тококу, добросердечием своим известный, вместе со мной шел до моего родного края Ие, ночами мы спали на одном ложе, делили дорожные тяготы, он помогал мне во всем и около ста дней неотлучно, как тень, следовал за мной344. Иногда он шутил, иногда печалился, его добрый нрав трогал меня до глубины души, и разве мог я его забыть. Проснувшись, я снова выжимаю мокрые от слез рукава.

29-й день Читаем стихи, посвященные Высокому замку - Такадати в Осю345 из «Императорской антологии Ста поэтов».

30-й день

Высокий замок вздымается к небу, звезды шлемам подобны Река Коромогава несет свои воды к морю, месяц подобен луку.

Эти стихи совершенно не передают красоты окрестностей Такадати.

Наверное, и древним поэтам не удавалось сложить ничего достойного о том месте, где они не бывали.

1-й день 5-й луны Пожаловал Рию346 из Хирата, из храма Мэйсёдзи.

Принесли письма от Сёхаку и Сэнна.

Весь в каплях росы - Случайно остался несъеденным Росток бамбука.

Рию

Вот и летний халат Стал телу привычен.

Четвертый месяц.

Сёхаку

Прощаясь:

Наконец-то Пятой луны дождались - С гостинцами зять347

Сёхаку

2-й день Пришел Сора, рассказал, как любовался цветами Ёсино и ходил паломником в Кумано. Беседовали о старых друзьях из Эдо, об учениках, о том о сем.

Тропы Кумано.

Бредешь все дальше, и вдруг Летнее море.

Сора

Оминэ.

Вот и самое сердце Ёсино, Но цветы отговели.

В лучах вечернего солнца спустили лодки на реку Ои и вдоль горы Арасияма поплыли вверх к стремнине Тонасэ. Пошел дождь, да и смерклось, поэтому вернулись.

1-й 3-й день Дождь, начавшийся прошлой ночью, все не перестает, он лил весь день и всю ночь. Снова говорили об Эдо и прочем, пока не рассвело.

1-й 4-й день Утомленный ночным бдением, весь день лежал. Днем дождь прекратился.

Завтра покидаю Хижину Опадающей хурмы. Опечаленный скорой разлукой, долго бродил по дому, обошел весь - от самых дальних

помещений до входа.

Летние ливни Здесь прежде висел картинка - След на стене.

169

1Комментарии

ПУТЕВЫЕ ДНЕВНИКИ

В ОТКРЫТОМ ПОЛЕ

1 «Отправляясь за тысячу ри...» — японские комментаторы полагают, что эта фраза основана на буддийском гимне (гатхе) преподобного Энкэя, включенном в антологию «Кокофугэнусю» («Собрание рек, озер, ветра и луны»), составленную Рин Содзи (1498-—1581), известным ученым эпохи Муромати: «В путь пускаясь, с собой не бери еды, смейся и пой, входи в Деревню, которой нигде нет под луной третьей ночной стражи». Третья ночная стража — с 11 до 1 часа ночи.

Деревня, Которой Нет Нигде (Мука, или Мукау-но сато) — образ из «Чжуан-цзы», глава «Беззаботное скитание»: «...посади его в Деревне, Которой Нет Нигде, водрузи в Пустыне Беспредельного Простора...» (здесь и далее, за исключением особо отмеченных случаев, цит. по изданию: Чжуан-цзы, Ле-цзы. / Пер. В. В. Малявина. М., 1995. С. 63), идеальный мир, где нет никаких вещей, где природа пребывает в своем первозданном состоянии, мир пустоты и недеяния.

Кроме того, в данном отрывке прослеживается явное влияние другого эпизода из «Чжуан-цзы» (глава «Беззаботное скитание»): «Те, кто уезжают на сто ли от дома, берут с собой еды, сколько могут унести. А кто отправляется за тысячу ли, берет еды на три месяца» [Чжуан-цзы... С. 60].

...тысячу ри... — китайское ли, или японское ри — единица длины, равная 3927 м.

2 Эра Дзёкё — 1684—1688 годы по японскому летоисчислению.

3 Когда проходили, через заставу... — имеется в виду застава Хаконэ (соврем, префектура Канагава).

4 Тири — речь идет об ученике Басе, жителе деревни Такэу-ти уезда Кацугэ, провинции Ямато. Известно, что фамилия его была Наэмура, и что скончался он в 1716 году.

5 Фукагава — местность неподалеку от Эдо (соврем. Токио), Басе поселился зимой 1680 года в хижине, подаренной ему его учеником, Сугияма Сампу (1647—1732). Около хижины посадили банановую пальму и стали называть её Банановой хижиной (Басё-ан).

6 «Что станется с этим кустиком хаги...» — ср. со стихотворением из знаменитого романа «Гэндзи-моногатари» (начало XI века, автор Мурасаки Сикибу): «Ветер капли росы разметал по Дворцовой равнине. Шуму его // Внимаю, а думы в тревоге Стремятся к кустику хаги» (здесь и далее цит. по: Мурасаки Сикибу. Повесть о Гэндзи / Пер. Т. Соколовой-Делюсиной. М.: Наука, 1991—1993. Т. 1. С. 11). В этом стихотворении «кустик хаги» символизирует маленького Гэндзи, который незадолго доэтого остался сиротой, у него умерла мать.

7 «Крик обезьян вас печалил...» — о печальных криках обезьян писали многие китайские поэты, в том числе Ду Фу (712—770), у Которого есть такие строки: «Слышу крики обезьяньей стаи,// Третий крик — я слезы проливаю» ^(«Восемь стансов об осени»). Стихотворение Ду Фу в свою очередь основано на следующем отрывке из старинной китайской «Книги о реках» («Шуй-цзин»): «Длинно ущелье УСЯ. // Кричат обезьяны. // И при третьем их крике слезы // Уже льются мне на одежду». Цит. по: Ду Фу. Стихотворения / Пер. А. Гитовича. М.; Л.: Гослитиздат, 1962. С 186.

8 «Свесив с седел хлысты» — здесь и далее Басе цитирует стихотворение позднетанского китайского поэта Ду Му (803—852) Ранним утром — в путь: «Свесив хлыст с седла, еду, коню доверившись, // Вот уже несколько АИ позади, но петух все еще не кричит. // Еду сквозь лес, не успев до конца проснуться, // Но внезапно будит меня слетевший с ветки листок».

9 Мацубая Фубаку — поэт, родом из местности Ватараи (старое название той части провинции Исэ, где находилось святилище Исэ), жил в Эдо, имел псевдоним Суйкодо.

10 ...к внешнему святилищу — одно из главных японских синтоистских святилищ Исэ состоит из двух частей — Внутреннею святилища (найку), посвященного богине Аматэрасу и Внешнего святилища (гэлу), посвященного богу Тоёукэ.

11 ...на прекраснейшей из вершин... — Басе цитирует стихотворение знаменитого японского поэта Сайге (1118—1190):

«Все дальше и дальше // Брел по священным тропам // Горы Камидзи. // На прекраснейшей из вершин // Ветер шумит в кронах сосен». Гора Камидзияма (иначе Аматэруяма) — находится к югу от Внутреннего святилища Исэ.

12 Долина Саше (Сайгёдани) — находится в южной части горы Камидзияма, считается, что там одно время жил Сайге (1118—1190) — великий японский поэт, оказавший большое влияние на творчество Басе. См. рус. пер.: Сайге. Горная хижина / Пер. с японского В. Марковой. М., 1979.

13 «Будь я Сайге...» — намек на известный эпизод из жизни Сайге. Однажды в селении Эгути Сайге попросился на ночлег в дом к одной из местных куртизанок, когда же она отказала ему, он сказал: «Я знаю, // Отказаться трудно // От суеты мирской, / Но, право, не напрасно ль // Так дорожить сим временным приютом?» На что женщина ответила: «Я слышала — // Мире кая суета тебе чужда, // Так избегай соблазна // Оставить сердце здесь, //Во временном приюте». «Временный приют» — это и человеческое жилище, и весь мир человеческих страстей. На этом эпизоде построена драма театра Но «Эгути». См. рус. пер.: Ёкё-ку — классическая японская драма [Сб. поэтич. драм] / Пер. Т. Соколовой-Делюсиной. Сост. и авт. предисл. Н. Анарина. М.: Наука, 1979. С. 157.

14 Тё — по-японски «бабочка».

15 Долгая луна (Нагацуки) — иное название девятого месяца по лунному календарю.

16 ...добрались до моих родных мест... — т. е. до деревни УЭНО в провинции Ига.

17 ...забудъ-трава вокруг северного флигеля... — в старину в Китае в северном флигеле обычно располагались покои матери семейства. Мать Басе скончалась в 1683 году на двадцатый день шестого месяца. Эта фраза содержит также реминисценцию из китайской «Книги песен» (Шицзин): «Где-нибудь раздобыв забудь-травы, возле Северного флигеля посажу».

«Забудь-трава» (кэнсо, ябукандзо, или васурэгуса) — лилейник, цветет детом желтыми и красными цветами.

18 ...потом брат... — имеется в виду старший брат Басе, Мацуо Хандзаэмон.

19 «Ты, словно Урасима с драгоценной шкатулкой...» — Басе вернулся домой после девятилетнего отсутствия, и брат сравнивает его с героем известной сказки Урасима Таро, японским Рип Ван/Винклем, который, попав во Дворец Морского дракона, где, как ему казалось, он провел несколько дней, вернулся на родину только через триста лет. На прощанье дочь Морского Дракона подарила ему шкатулку, наказав строго-настрого не открывать ее, но, не послушавшись, он открыл шкатулку и тут же превратился в седого старика. В шкатулке была заключена его жизнь.

20 Хлопковый лук — приспособление в форме лука для очистки хлопковой ваты от посторонних примесей и придания ей большей мягкости.

21 ...тысячи быков могли бы укрыться в ее тени — цитата из «Чжуан-цзы» (глава «Среди людей»): «Крона этого дуба была так широка, что в тени ее могли бы укрыться несколько тысяч быков» [Чжуан-цзы... С. 84].

22 ...деревья лишены чувств... — в тексте употреблен буддийский термин хидзё (лишенный чувств), которым обозначается все, принадлежащее к неживой природе — растения, камни, реки и т. д. Для обозначения живых существ употребляется термин удзё (имеющий чувства).

23 ...избежать топора... — ср. с «Чжуан-цзы» (глава «Свободное странствие»): «Ты говоришь, что от твоего дерева пользы нет. Ну, так посади его в Деревне, Которой Нет Нигде, водрузи его в Пустыне Беспредельного Простора и гуляй вокруг него, не думая о делах, отдыхай под ним, предаваясь приятным мечтаниям. Там не срубит его топор, и ничто не причинит ему урона» [Чжуан-цзы... С. 63].

24 Лушань — гора в Китае, на которую удалялись, чтобы пожить вдали от мирской суеты, многие китайские поэты.

25 «Стук валька...» — стихотворение основано на образе из стихотворения Фудзивара Масацунэ из «Синкокинсю»: «В горах Есино // Дует осенний ветер. // Спускается ночь. // В старом селенье так холодно. // Слышно, как отбивают белье». Стихотворение Масацунэ в свою очередь основано на образе из стихотворения Саканоэ-но Корэнори из антологии «Кокинсюо» (№ 325): «Снег, должно быть, лежит // там, в Ёсино, в горных лощинах, // на лесистых холмах — //

холоднее и холоднее // на подходах к старой столице» (цит. по: Кокинвакасю / Пер. А. А. Долина. М.: Радуга, 1995. Т. 1. С. 150. Далее ссылки на это издание — [Кокинвакасю, пер. А. Долина...]).

26 Тё _ мера длины, 109,09 м.

27 «Капающий родник» — образ из стихотворения, приписываемого Сайге: «Кап да кап — //В ущелье меж скал родник // Стекает по мху, // Иссякнет вот-вот. // Сколь печально жилище мое в горах».

28 Фусан — так в Китае называлось священное дерево, которое, по поверью, росло там, где из-за восточного моря появлялось солнце. Так же в Китае называли страну, которая находилась к востоку от Китая, в той стороне, где восходило солнце, т. е. Японию.

29 Бо И — сын князя владения Гучжу в Китае (XII век до н. э.), известный своей высокой нравственностью. Он и его брат Шу Ци отказались от престола после смерти отца: младший, Шу Ци, из почтения к старшему брату, старший, Бо И, из почтения к воле отца (престол был завещан младшему брату, Шу Ци), в результате чего престол узурпировал князь У-ван, и в знак протеста против насилия братья удалились на гору Шоуяншань, где в конце концов погибли от голода.

30 Узнай об этом роднике Сюй Ю... — Сюй Ю так Бо И, известен своей нравственной чистотой. По преданию, он жил при императоре Яо (2357—2355 до н. э.), и когда имнсра тор предложил ему принять престол, ответил, что эти слова пачкают ему уши, и вымыл уши в реке Инхэ, после чего удалился на гору Цзишань, не дав даже своему быку напиться из оскверненной реки.

31 «Сколько же лет...» — поскольку записки Басе датируются 1684 годом, а император Годайго скончался в 1339 году, со дня его погребения прошло уже 345 лет. Трусть-траба («синобугуса») — даваллия, растение из семейства папоротников.

32 Токива — Токива-годзэн, любимая наложница Минамото Ёситомо (1123—1160), известного военачальника конца периода Хэйан. Согласно одной из легенд, после того, как Ёситомо, ставший одним из руководителей мятежа Хэйдзи, погиб, она пыталась укрыться в провинции Ямато, но по дороге была убита разбойниками в местечке Яманака.

33 Моритакэ из Исэ — поэт Аракида Моритакэ (1473—1549), один из великих мастеров рэнга, творчество которого оказало большое влияние на поэзию хайкай, был священнослужителем во внутреннем храме Исэ.

34 «На господина Ёситомо осенний ветер похож» — Басе цитирует строфу Моритакэ из сборника « Моритакэ-сэнку» (1540). (Предыдущая строфа цикла: «Взгляни на луну — // Вот-вот склонится она // К селенью Токива»).

35 «Ёситомо... Повеял его тоскою...» — Минамото Ёситомо (см. примеч. 32) убил своего отца, застрелил брата, потом, потерпев поражение во время мятежа Хэйдзи, пытался спастись бегством, но был убит одним из вассалов, настигшим его в Ова-ри. Басе хочет сказать, что унылый осенний ветер чем-то похож на отчаявшегося, одинокого Ёситомо.

36 Фува — разрушенная старая застава в городе Сэкигахара.

37 «Осенний ветер...» — хокку Басе основано на стихотворении Фудзивара Ёсицунэ из «Синкокинсю» (1601): «Нет ни души // На старой заставе Фува. // Обветшала стреха. // Один лишь осенний ветер // Гуляет среди руин».

38 Бокуин — Тани Бокуин (1646—1725), поэт из Оогаки, одно время примыкавший к школе Басе.

39 «Зимний пион...» — хокку Басе, возможно, основано на стихотворении Фудзивара Тэйка: «В горной глуши //Ив зимнюю пору, должно быть, // Кукушка кричит, // Приняв сверкающий жемчугом снег //За цветы унохана». Унохана — кустарник с белыми цветами, цветет в начале лета.

40 «Безумные строфы...» — «Безумные строфы» (кёку) — шуточные трехстишия. Тикусай — герой популярной во времена Басе повести, которая так и называлась «Тикусай», врач, который, сочиняя «безумные строфы», бродил по разным провинциям.

41 «Чей это зять...» — существовал обычай, согласно которому в первые дни года муж должен был посетить родственников жены и преподнести им особое новогоднее угощение — «зеркальные» лепешки-моти и листья папоротника. В стихотворении игра слов — бык, на котором едет зять, сопоставляется с годом Быка.

42 Нигацудо — одно из строений храмового комплекса То-дайдзи в Нара.

43 «Водовзятие» (Мидзутори) — особая праздничная церемония, которая проводится в храме Нигацудо с 1 по 14 февраля. Кульминацией праздника является обряд «взятия воды», который справляют ночью 7 и 9 февраля: монахи торжественно спускаются по лестнице вниз к храмовому источнику и, зачерпнув воды в специальные сосуды, возвращаются в храм.

44 Мицуи Сёфу — поэт школы Данрин (1646—1717), богач из Киото, его дом в Нарутаки посещали многие ученые и поэты.

45 «Белеют сливы...» — Басе сравнивает Мицуи Сёфу с китайским поэтом Лин Хэцинем (Линь Фу, 967—1028), который очень любил белые сливы и журавлей.

46 Фусими — местность в Киото, известная красотой цветущих персиков.

47 Сосна в Карасаки — мыс Карасаки находится на западном побережье озера Бива. Сосна Карасаки — одна из достопримечательностей этих мест. Рядом с сосной находится синтоистский храм.

48 Кикаку — Эномото (или Такараи) Кикаку (1661—1707), поэт, один из первых учеников Басе. Дайтэн, скончавшийся в 1685 году в возрасте 57 лет, был наставником Кикаку в Дзэн.

49 Унохана — см. примеч. 39.

50 Тококу — Цубои Тококу (1659?—1690), торговец рисом из Нагоя, один из любимейших учеников Басе.

51 Тоё -— Хаяси Тоё (?—1712), ученик Басе, владелец гостиницы в Ацута.

52 Сод о — Ямагути Содо (1642—1716), поэт, друг Басе.

ПУТЕШЕСТВИЕ В КАСИМА

53 Тэйсицу — Ясухара Масаакира (1610—1673), ученик Мацунага Тэйтоку (1573—1653), впоследствии стакший ведущим поэтом его школы, был одним из наиболее почитаемых поэтов в школе Басе.

54 «Тюнагон Юкихира» — Тюнагон — советник второго ранга. Имеется в виду поэт Аривара Юкихира (818—893), который, попав в немилость, был сослан в Сума, где написал известное стихотворение: «Коль тебя обо мне // Кто-то спросит, ответь ему так: //У залива Сума

//С трав морских капли соли стекают, // И текут безрадостно дни...» В старину в Сума занимались выпариванием соли.

В стихотворении реминисценция из стихотворения китайского поэта Бо Цзюйи (772—846) «На пятнадцатую ночь восьмой луны остаюсь один в покоях императора и, глядя на луну, вспоминаю Юаня Девятого...»: «Серебряные башни, золотые ворота тают, тают в ночи. // Ночью один о тебе вспоминаю здесь в павильоне Ханьлинь. // В небо Пятнадцатой ночи выплыв, ярко сияет луна. // Сердце мое со старым другом — за две тысячи ли».

55 Этой осенью... — имеется в виду восьмой месяц четвертого года Дзёкё (1687 год по западному летоисчислению).

56 ...волной судьбы подхваченный самурай... — имеется в виду Сора (Иванами Сёэмон, называл себя также Каваи Согоро, 1649—1710) — поэт, друг и ученик Басе. В молодости служил дому Мацудайра, потом бросил службу и приехал в Эдо, где стал изучать поэзию бака, одновременно сблизился с Басе, тем более, что жил неподалеку от Банановой хижины в Фукагава.

57 ...монах-скиталец, уподобивший жизнь свою текущей воде... — речь идет о дзэнском монахе Соха, жившем неподалеку от хижины Басе в Фукагава.

58 ...тремя монашескими оплечьями... — Монашеское оплечье (кэса) — часть монашеского одеяния (полоса ткани, которая перекидывается через левое плечо поверх основного платья и завязывается под правой рукой). Оплечья-кэса в зависимости от ширины делятся на три вида: большое оплечье (состоящее из 9—25 полос, среднее (состоящее из семи полос) и малое (состоящее из пяти полос).

59 ...образ Покидающего горы... — имеется в виду изображение будды Шакья-Муни в тот момент, когда после шестилетних испытаний, он, обретя истину, спускается с гор.

60 «Застава без ворот» — Басе имеет в виду сочинение чань-ского монаха эпохи Сун (X—XШ вв.) Хуй Кая «Застава без ворот» (Умэньгуань): «На большом пути нет ворот, есть только тысяча разных тропок. Коли сумеешь проникнуть сквозь эту заставу, будешь идти свободно один сквозь небесное и земное».

61 Другой же человек... — имеется в виду сам Басе.

62 ...остров, «где не водятся птицы»... — намек на поговорку: «в селении, где не водятся птицы, и летучая мышь хороша». Сочетание «торинакисима» (остров, где нет птиц) вызывает ассоциацию с названием Касима («Олений остров»).

63 Покрыв головы шляпами из дерева хиноки... — Хиноки — кипарисовик японский. Древесина хиноки, обладавшая водоотталкивающим свойством, широко использовалась в быту, в частности из нее делали и дорожные шляпы-хигаса.

64 Циньдянь — равнина в Китае возле столичного города императора Цинь Шихуанди (246—206 до н. э). Имеется в виду просто необозримая, бескрайняя равнина.

65 Вдали высилась гора Цукуба, две вершины, стоящие рядом — у горы Цукуба две вершины: одна считается мужской, другая — женской.

66 Рансэиу — Хоттори Рансэцу (1654--1707), ученик Басе, одна из самых значительных фигур в его школе.

67 Многие, помня слова... — намек на следующий эпизод из свода японских мифов «Кодзики» (712 г.): «Вот, прошел он (бог Яматотакэру-но микото — Т. С.–Д.) ту землю, вышел в Капи и когда пребывал во дворце Сакавори, так спел: "Сколько ночей провел я [в пути], Нипибари // И Цукуба проходя?" — так спел. А старец, что там костер поддерживал, подхватил начало этой песни и спел так: "Вместе посчитав — // Ночей — девять ночей, // Дней — десять дней, — так спел". Цит. по: Кодзики — Записи о деяниях древности / Пер. А. М. Ермаковой и А. Н. Мещерякова. СПб.: Гиперион, 1994. С. 73.

...нанизываюгиих строфы...— «Нанизанные строфы» (рэн-га) — особая форма японской поэзии, цепь чередующихся трехстиший и двустиший (один поэт сочинял трехстишие, другой дополнял его до пятистишия, затем на добавленное двустишия сочинялось новое трехстишие и т. д.).

68 ...не зря когда-то Тамэнака... — Басе имеет в виду случай, зафиксированный в трактате Камо Тёмэя (1155—1216) «Мумё-сё». Татибана Тамэнака, когда закончился срок его пребывания в должности правителя Митиноку, возвращался в столицу и, проезжая по равнине Мияги, славящейся красотой хаги (леспедеца двуцветная,

кустарник, цветущий осенью лиловыми цветам) наполнил сундуки ветками хаги и привез их в подарок в столицу.

69 ...«голос колокола побуждает...» — цитата из Ду Фу 70 Небезызвестная дама, которая, не сумев сложить песню о кукушке... — имеется в виду Сэй-Сёнагон, автор знаменитых «Записок у изголовья» («Макура-но соси», конец X в.). В «Записках у изголовья» есть эпизод, повествующий о том, как она с другими дамами поехала в окрестности реки Камо нарочно для того, чтобы послушать кукушку, но так и не смогла написать соответствующую случаю песню. См.: Сэй-Сёнагон. Записки у изголовья / Пер. В. Н. Марковой. М.: Худ. лит., 1975. С. 131.

71 Тосэй — один из псевдонимов Басе.

72 Дзидзюн — Хомма Дзидзюн (1623—1697), врач и поэт, жил в Эдо, потом поселился отшельником в Итако.

73 Гость — имеется в виду сам Басе, сочинивший дополнительную строфу-вакику к начальной строфе-холху, предложенной Дзидзюном.

74 Последний пятый день срединного осеннего месяца года Зайца эры Дзёкё — т. е. 25-й день восьмого месяца четвертого года эры Дзёкё (1687 год).

ЗАПИСКИ ИЗ ДОРОЖНОГО СУНДУЧКА

75 Внутри сотни костей и девяти отверстий... — «Сто костей и девять отверстий» — так Чжуан-цзы называл человеческое тело. См. глава «О том, как вещи друг друга уравнивают»: «Сотня костей, девять отверстий и шесть внутренних органов — все они присутствуют во мне...». [Чжуан-цзы... С. 65].

76 Кисея На Ветру (Фурабо) — один из псевдонимов Басе. Вызывает ассоциацию с тонким банановым листом, колеблемым ветром.

77 «Безумные строфы» — см. примеч. 40. Здесь — поэзия хайкай.

78 Соги (1421—1502) — один из ведущих мастеров поэзии рэнга.

79 Сэссю (1420—1506) — один из ведущих художников периода Муромати, мастер монохромной живописи тушью.

80 Рикю — Сэнсоэки Рикю (1522—1591), мастер чайного действа, основатель школы Сэнкэ в чайном искусстве. Служил сначала у Ода Нобунага, потом у Тоётоми Хидэёси, навлек на себя немилость последнего и был казнен.

81 Изящное искусство (фуга) — термин, которым широко пользовался и сам Басе, и его ученики и последователи. В широком смысле фуга. — это всякое искусство вообще, в узком — поэзия хайкай. В данном случае Басе использует этот термин в его широком смысле.

82 Богопокинутъш месяц (Каминадзуки) — иное название десятого месяца по лунному календарю. Речь идет о десятом месяце 1687 года.

83 Тётаро из Иваки — Басе имеет в виду поэта Юси (Идэ Тётаро).

84 «До заставы» — имеется в виду застава Оосака, через которую проходили все странники, идущие из столицы (Киото) на восток. Со временем выражение «провожать до заставы» стало употребляться в значении,просто «провожать странника в путь».

85 Росэн — Найто ЁСИХИДЭ (1655—1733), поэт, был учеником одного из ведущих мастеров рэнга Соина (Нисияма Соин, 1605—1682), позже основал собственную школу в поэзии хайкай.

86 Мне можно было не утруждать себя, запасаясь едой на три месяца — см. примеч. 1.

87 Господин Ки — Ки-но Цураюки (872?—945?), один из ведущих поэтов X в., автор «Дневника из Тоса» («Тоса-никки»), одного из первых японских дневников. См. рус. пер. В. С. Сано-вича в кн. Классическая проза Дальнего Востока. М.: Худ. лит. (Сер. БВЛ). 1975. С. 551.

88 Тёмэй — Камо Тёмэй (1155?—1216), автор знаменитого сборника эссе «Записки из кельи» («Ходзёки», рус. пер.: Записки из кельи // Японские дзуйхицу / Пер. Н. И. Конрада. СПб, 1998. С. 336). Во времена Басе ему приписывалось авторство путевого дневника «Токанкико» («Путешествие к востоку от заставы»), оказавшего большое влияние на Басе.

89 Абуцу — монахиня Абуцу (Абуцуни) (1222?—1283), автор известных дневников «Утатанэ» («Дремота») и «Исаёи-никки» («Шестнадцатая ночь»).

90 ...лишен неповторимости Хуана и новизны Су... — имеются в виду: Хуан Шаныу (Тинцзянь, 1045—1105) — китайский поэт и теоретик цзянсийской поэтической школы, ориентировавшийся на

опыт предшествующих мастеров, и Су Дунпо (Су Ши, 1036— 1101) — китайский поэт, особенно любимый Басе.

91 ...«как придется» — Басе цитирует «Чжуан цзы» (гл. том, как вещи друг друга уравнивают»): «Я расскажу тебе, придется, а ты уж, как придется, послушай, хорошо,» [Чжуан цзы... С. 71].

92 Асукаи Масааки — поэт (1611—1679). Род Асукаи славился своими поэтами и игроками в мяч.

93 Эцудзин — Оти Эцудзин (скончался в 30-е годы XVIII века), поэт из Нагоя, один из учеников Басе.

94 ...в «Манъёсю» он был включен в число достопримечательностей Исэ... — «Манъёсю» — японская поэтическая антология VIII в. (См. рус. пер.: Манъёсю — Собрание мириад листьев / Пер. с яп., вступ. ст. и коммент. А. Е. Глускиной. М.: Гл. редакция Восточной лит-ры. 1971-1972. Т. 1-3. Далее ссылки на это издание — [пер. А. Глускиной...]). В первом свитке «Манъёсю» есть стихотворение (№ 23), имеющее такое вступление: «Песня, сложенная неизвестным, скорбевшим о принце Оми, когда принц был сослан на остров Ираго в провинцию Исэ» [пер. А. Глускиной. Т. 1. С. 75].

95 «Гоиси» — речь идет о раковинах, которые называются обычно «тёсэн хамагури», из них делают белые камни для игры в «го».

96 Хоса — местность между Ацута и Нагоя.

97 «Касэн» — цикл из тридцати шести строф, наиболее популярный в хайкай-но рэнга. Само слово «касэн» имеет значение «бессмертный поэт». Обычно выделяли «Тридцать шесть бессмертных поэтов Средневековья».

98 Месяц Бегающих наставников — иное название двенадцатого месяца по лунному календарю.

99 ...направились в мои родные края — имеется в виду деревня УЭНО в провинции Ига, родина Басе.

100 «Очищенье от сажи» (Сусухараи) — обряд, который проводится на тринадцатый день двенадцатого месяца. В этот день дома чистят от пыли и сажи, готовясь к встрече нового года.

101 «Из Кувана, изголодавшись...» — в географическом описании Ихара Сайкаку (1642—1693) «Хитомэтамабоко» встречается такое пятистишие: «Из селения Кувана, // Изголодавшись пришел, // На

реке Хосикава // Встретил утро. // В деревне Хинага начался долгий день».

102 «... позабыл о сезонном слове» — непременным атрибутом хокку являлось «сезонное слово» (киго), позволяющее отнести строфу к определенному времени года. К примеру, если в строфе было слово «слива», она относилась к весне, если слово «кукушка», то — к лету. Существовали (и существуют сейчас) списки «сезонных слов».

103 «Над своей пуповиной плачу» — в Японии существовал обычай после рождения ребенка сохранять пуповину как символ связи с матерью, ей придавалось магическое значение.

104 Дзё — 3,03 м, сяку — 30,3 см.

105 ...казалось, взгляд улавливает и засохшие стволы деревьев сара... — согласно преданию, когда умирал будда Шакья-Муни, деревья сара засохли и побелели.

106 «Обнажаться // Рано еще...» — в дневнике «Ои-никки» это трехстишие предваряется следующим вступлением: «Тоскуем о слезах Сайге, оплакиваем веру Дзога». Дзота — монах, который, согласно легенде, придя паломником в Исэ, удостоился божественного откровения, после чего отдал свою одежду нищим и вернулся домой нагим.

107 Рюсёся — Тацуно Дэнъэмон (1616—1693), известный ученый, принадлежавший к так называемой «отечественной школе» (вагаку), служитель святилища Исэ.

108 «Прежде спрошу...» — реминисценция из стихотворения Гусай (или Кюсэй)-хоси (1284—1378): «Даже трав имена // В разных местах различны. // То, что здесь в Нанива // Тростником называют, зовется // Прибрежным мискантом в Исэ».

109 Встречаю Сэцудо из дома инспектора Адзиро — в другой редакции: «Встретив сына Инспектора Адзиро». Инспектор Адзиро — один из служителей святилища Исэ, Адзиро Хироси (1640—1683). Сэцудо — псевдоним его сына.

110 «И вдруг — нежданно-негаданно...» — неожиданность в том, что в синтоистском святилище не совсем уместно буддийское изображение. Реминисценция из пятистишия Рокудзёудайдзин-но Китаноката (антология «Кинъёвакасю», 1127): «Подумала я:

священные здесь пределы, // И рукава подвязала // Шнурками из священных волокон. И вдруг — нежданно-негаданно — // Колокольный послышался звон».

111 Яёи — иное название третьего месяца по лунному календарю.

112 ...человек, готовый разделить со мной... — имеется в виду Тококу, см. примеч. 50.

113 Мангикумару — «Мару» — именной суффикс, который употреблялся в именах мальчиков.

114 «Весенняя ночь...» — храм в Хацусэ, посвященный бодхисаттве Каннон, издавна был любимым местом паломничества для женщин. Об этом говорится во многих классических произведениях, в том числе в «Повести о Гэндзи» и в «Записках у изголовья» 115 «Вот бы увидеть...» — существует легенда, согласно которой аскет Эн-но гёдзя (см. примеч. 173) поручил богам и чертям построить каменный мост от горы Кадзураки к горе Конго. Бог Хитокотонуси был очень некрасив, поэтому, стыдясь своего безобразного лица, работал только ночью. Басе хочет сказать, что в блеске утреннего цветения, наверное, даже лицо этого бога было прекрасно.

116 «Веером / / Взмахнув, зачерпну вина...» — Басе как бы воспроизводит движения актера в театре Но, где жесты сжимающей веер руки имели чрезвычайно важное значение, символизируя различные действия и состояния человека.

117 Родник во мху — намек на стихотворение Сайге, см. примеч. 27.

118 Господин Регент — имеется в виду поэт и каллиграф Фудзивара Ёсицунэ (1169—1206), известный под прозвищем Регент со Столичного Предела. У него есть такое стихотворение: «Кто был тот человек, бросивший здесь когда-то косточки вишен, //И сделавший горы Есино // Весенними горами навеки».

119 ...в поисках веток, надломленных рукой Сайге... — имеется в виду следующее пятистишие Сайге: «Дорогу переменю, // Что прошлой весною пометил //В глубинах гор Ёсино! //С неведомой мне стороны // Взгляну на цветущие вишни». См.: Сайге. Горная хижина / Пер. В. Н. Марковой. М., 1979. С. 44.

120 …вспоминал строки, когда-то оброненные здесь Тэйси-цу... — Тэйсицу — см. примеч. 53. Имеется в виду следующее его трехстишие: «Вот это да! Только и скажешь, взглянув на вишни ЁСИНО».

121 «О мать, о отец…» — эта строфа основана на стихотворении Геки из антологии «Гёкуёсю» (1312): «фазаны в горах // Стонут тоскливо. Услышав // Их голоса, // Вздрагиваю: "УЖ не отец ли?" // Вздыхаю: "Не мать ли плачет?"» 122 «Как же стыдно узла на макушке...» — т. е. стыдно того, что не принял постриг, не стал монахом.

123 Монастырь Кимиидэра — монастырь на восточном побережье бухты Вака. Возможно, эта строка была вступлением к позже утраченному трехстишию, а может быть, она является уточнением к предыдущему трехстишию.

124 ...невольно вспомнил о переправе Сайге через реку Тэнрю... — согласно легенде, когда однажды Сайге подошел к переправе через реку Тэнрю, паромщик, опасаясь, что лодка перевернется, ибо желающих переправиться через реку было слишком много, ударил его хлыстом и сбросил на берег, однако избитый до крови и выпачкавшийся в грязи Сайге ничуть не рассердился, заявив, что так и должен выглядеть человек, вставший на путь служения Будде.

125 ...давний случай с разгневанным отшельником — в дане 106 «Записок от скуки» («Цурэдзурэгуса») Кэнко-хоси (XIV в.) приводится случай с преподобным Секу из монастыря Коя. Однажды, направляясь в столицу, Секу встретился на узкой юрной тропе с ехавшей на лошади женщиной. Слуги этой женщины сбросили лошадь Секу в канаву, и тот, разгневавшись, стал браниться, но потом устыдился и пожалел о словах, сорвавшихся с его уст. См. рус. пер.: Кэнко-Хоси. Записки от скуки / Пер. В. И. Горегляда. М.: Наука, 1970. С. 93.

126 «День смены одежда — обряд, который проводится в первый день четвертой луны по лунному календарю. В этот день снимают теплую зимнюю одежду и надевают легкую, летнюю. Одновременно меняется убранство дома.

127 «День Омовения Будды» — день рождения Будды, празднуется на восьмой день четвертого месяца по лунному

календарю. В этот день изображение Будды-младенца принято окроплять сладким чаем.

128 Гандзин (кит. Цзянъчжэнъ) — китайский монах (688—763), который приехал в Японию и сначала служил в монастыре Тодайдзи в Нара, а потом основал монастырь Тосёдайдзи. Сохранились записки о его путешествии из Китая в Японию, во время которого он претерпел немало бед и в конце концов лишился зрения.

129 «Рога оленя...» — поздней весной у оленей начинают расти новые рога, у основания рог един, но потом он начинает ветвиться. Так же и Басе с друзьями — сначала их путь был един, потом они разошлись каждый по своей дороге.

130 «Луна, она здесь...» — в одном из вариантов текста это трехстишие предваряется следующим вступлением: «В середине месяца Зайца любуемся заливом Сума. Горы позади сверкают молодой листвой, луна все еще в дымке, — пора поздней весны таит в себе особое очарование, однако истинная красота здешних мест раскрывается именно осенью, и наверное поэтому этот прекрасный пейзаж оставляет душу неудовлетворенной...» 131 Месяц Зайца (Удзуки) — четвертый месяц по лунному календарю.

132 «с трав морских капли соли стекают...» примеч. 54.

133 ...сохранить память о некогда разыгравшихся здесь сражениях... — имеются в виду военные столкновения рода Тайра с родом Минамото в конце XII в. — битва при Ити-но тани и пр.

134 ...тому деревенскому молодцу, которому... — намек на эпизод из «Повести о доме Тайра» (свиток 9), в котором говорится о том, как юноша по имени Васио Кумао вызвался сопровождать Есицунэ на пути через перевал Хиёдори. Правда, на самом деле юноше было не шестнадцать, а восемнадцать лет. См. рус. пер. И. Л. Львовой.: Повесть о Тайра; М.: Худ. лит., 1982. С. 410-412.

135 «...но флейта звучит / / В тени под деревьями...» — в храме Сумадэра хранится в качестве драгоценной реликвии знаменитая флейта Тайра Ацумори, погибшего в шестнадцатилетнем возрасте от руки воина Кумагаэ из рода Минамото. См. «Повесть о доме Тайра», гл. «Гибель Ацумори» (Повесть о Тайра / Пер. И. А. Львовой. М.: Худ. лит., 1982. С. 429), а также пьесу театра Но «Ацумори» (Рус. пер.: Ёкёку — классическая японская драма [Сб. поэтич. драм] / Пер. Т.

Соколовой-Делюсиной. Сост. и авт. предисл. Н. Анарина. М.: Наука, 1979. С. 106).

136 «В ловушке-горшке...» — имеется в виду специальный сосуд, которым ловили осьминогов. Сосуд этот опускали на дно, а после того, как осьминог забирался туда, поднимали.

137 «Вряд ли на свете существует место...» — цитата из «Повести о Гэндзи», гл. «Сума» [Повесть о Гэндзи... Т. 1. С. 234].

138 Не в подобном ли месте было сказано: «Земли У и Чу...» — Басе имеет в виду стихотворение Ду Фу «Поднимаюсь на башню Юэян»: «Я давно слышал об озере Дунтинху, // И вот теперь поднимаюсь на башню Юэян. // Земли У и Чу простираются к востоку и к югу. // Небо и земля плывут сквозь день и ночь».

139 Мацукадзэ и Мурасамэ — согласно преданию, так звали дочерей рыбака, в которых был влюблен сосланный в Сума Аривара Юкихира (см. примеч. 54). История этой любви стала темой пьесы театра Но «Мацукадзэ».

140 Сосна с колоколом — легендарная сосна, которая находится на середине склона горы Тэккай. Согласно преданию, на эту сосну повесил свой военный колокол (гонг) Минамото Есицунэ, военачальник, нанесший в конце XII в. ряд сокрушительных поражений войску Тайра.

141 Дворец Ити-но тани — дворец малолетнего императора Антоку (1178—-1185), погибшего во время битве при Дан-но ура, когда войска Тайра потерпели окончательное поражение.

142 ....вот госпожа Нии-но амагими... — Басе вспоминает эпизоды трагической гибели рода Тайра. Нии-но амагими — жена Тайра Киёмори, Нёин — его дочь, мать малолетнего императора Антоку, иначе ее называли Кэнрэймон.

ПУТЕШЕСТВИЕ В САРАСИНА 143 Эцудзин — см. примеч. 93.

144 Какэй — Ямамото Какэй (1648—1716), врач из Нагоя, ученик Басе, в последние годы жизни отошел от Басе и стал учителем рэнга.

145 Жестокие муки не прекращались ни на миг — в некоторых вариантах текста у этой фразы есть следующее продолжение: «в конце концов, спешившись, я посадил на лошадь слугу». Без этих слов непонятно, почему слуга оказывается верхом.

146 ...даже водоворот Наруно в Ава кажется, безмятежной гладью — ср. с известным во времена Басе стихотворением, приписываемым Кэнко-хоси: «По этому миру // Проходя, я пытался его // С чем-то сравнить. // И понял вдруг — безмятежен // Водоворот Наруто в Ава».

147 «Передача коней» — в древние времена ежегодно в восьмом месяце каждая провинция должна была присылать коней в дар императорскому семейству. Императорский посланец выезжал к заставе Аусака, где совершалась церемония передачи коней. С конца эпохи Камакура коней для императорского семейства стали поставлять только из провинции Синано.

148 Оминаэси — патриния, высокое травянистое растение из семейства зонтичных с мелкими желтоватыми цветами. Одно из семи осенних растений. Название цветка пишется иероглифами, буквальный смысл которых — «девичья краса», а потому находит широкое использование в любовной лирике.

149 «Четыре ученья, четыре теченья...» — разные комментаторы дают разные толкования относительно содержания этих четырех учений и четырех течений. Скорее всего. Басе имел в виду просто разные ответвления буддизма вообще.

ПО ТРОПИНКАМ СЕВЕРА

150 Луна и солнце — лишь гости... — ср. с прозаическим отрывком Ли Бо «В весеннюю ночь пируем в саду, где персики и слива цветут»: «Смотрите, небо и земля — они гостиница для всей тьмы тем живых! А свет и тьма — лишь гости, что пройдут по сотням лет-веков. И наша жизнь — наплыв, что сон! А радостью живем, ну много ль мы?» (Цит. по: Китайская классическая проза в переводах академика В. М. Алексеева. М.:Изд. АН СССР, 1958. С. 201).

151 ...прошлой осенью... — имеется в виду первый год эры Гэнроку, т. е. 1688 год.

152 ...полуразвалившейся хижины в верховьях реки... — речь идет о Банановой Хижине в Фукагава на берегу реки Сумида.

153 ...увидеть... дымку над заставой Сиракава... — явная реминисценция из стихотворения японского поэта Ноин-хоси (988 —?): «Когда я покинул столицу, // Дорожным товарищем моим // Была весенняя дымка. // Но ветер осени свищет теперь // Над заставою

Сиракава» (пер. В. Марковой, цит. по: Японская поэзия. (Серия «Золотой фонд япон. лит-ры»). СПб.: Северо-Запад, 1999. С. 285).

154 ...прижег себе моксой точку «санри» под коленом... — Прижигание моксой было одним из самых распространенных профилактических и лечебных средств. Точка «санри» — одна из главных точек, прижигание которых оказывает целебное воздействие на весь организм. К тому же название «санри» вызывает ассоциацию с «сан-ри» — «три ри», т. е. имеет отношение к странствиям.

155 Сампу — Сугияма Сампу (1647—1732), поэт, друг Басе, его хижина, которая называлась Сайтоан (Хижина Сбора Чая), тоже находилась в Фукагава, неподалеку от Банановой хижины.

156 ...набросал на листке бумаги восемь «лицевых строф»... — строфы, входящие в цикл «нанизанных строфы — рэнга, писались на сложенных особым образом листках бумаги. Цикл, состоящий из 100 строф, писался на четырех сложенных листках. На лицевой стороне первого листа обычно писались восемь первых строф, их называли «лицевыми».

157 ...последний седьмой день третьей луны... — имеется в виду 27-й день третьей луны по лунному календарю.

158 УЭНО и Янака — имеются в виду районы УЭНО и Янака в Эдо, славящиеся красотой цветущих вишен. 159 … предстоящем пути в три тысячи ри... — Три тысячи ри – метафора дальнего странствия, частый образ в китайской классической поэзии.

160 «Расстаемся с весной...» — возможно, это трехстишие навеяно образами из стихотворения китайского поэта Тао Юаньмина (365—427) «Возвратился к садам и полям»: «Даже птица в неволе затоскует по старому лесу, // Даже рыба в запруде не забудет родного ручья» (пер. Л. З. Эйдлина, цит. по: Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. (Серия БВЛ). М.: Худ. лит. 1977. С. 215).

161 Сора — см. примеч. 56.

162 ...выполняя данный ею обет... — в своде японских мифов «Кодзики» есть легенда о том, как Ко-но-хана-но-сакуя-бимэ, став супругой бога Ниниги, после первой же ночи понесла, за что навлекла на себя подозрения божественного супруга. Тогда она дала обет, что, если родится дитя небесных богов, то роды пройдут

благополучно, в противном же случае этого не произойдет, после чего скрылась в покоях без дверей, глиной их изнутри замазала, а когда пришло время родить, подожгла покои и в огне родила трех богов -— Ходэри-но микото, Хосусэри-но микото и Хоори-но микото.

163 ...запрещено есть рыбу под названием коносиро — Коносиро — небольшая морская рыба. Когда ее жарят, возникает запах горелого человеческого мяса, что вызывает ассоциацию с историей о Ко-но-хана-но-сакуя-бимэ, поэтому в этом районе есть эту рыбу запрещено.

164 Воистину, он принадлежит к тем, близким к человеколюбию... — цитата из одного из основных конфуцианских трактатов «Лунь юй» («Беседы и высказывания», V—V| вв. до н. э., гл. «Цзы Лу>: «Учитель сказал: "Если человек тверд, настойчив, прост, скуп на слова, он близок к человеколюбию"». (См. рус. пер.:

Древнекитайская философия: Собрание текстов в 2-х тт. М.: Мысль. 1972. Т. 1. С. 164).

165 ...поднимаемся на священную гору — т. е. в монастырь Тосёгу, расположенный на горе Никкодзан.

166 ...когда великий учитель Кукай основал здесь монастырь... — Кукай (или Кобо-дайси, 774—835) — ученый и поэт, основатель буддийской секты Синогон. На самом деле храм был основан преподобным Седо в годы Энряку (782—806).

167 «Обривши главу...» — в стихотворении Сора обыгрывается название горы и тема пострига. «Смена одежд», означая облачение в монашеское платье, одновременно ассоциируется с праздником «смены одежд» (см. примеч. 126).

168 «...так начинаю...» — имеется в виду летний пост «гэ», во время которого, начиная с 16 дня четвертого месяца, в течение 90 дней монахи, затворившись в своих кельях, постятся, переписывают и читают сутры. Скорчившись в пещерке за водопадом, Басе ощутил себя приступившим к такому летнему посту.

169 ...место, где когда-то гоняли... — имеется в виду место, где наездники учились ловить лисиц-оборотней (см. примеч. 170). Выпуская собаку, которая должна была изображать лису-оборотня, они гнали ее и стреляли в нее из лука.

170 ...к древнему погребению Тамамо-но маэ — существует легенда о том, как золотошерстая девятихвостая лиса-оборотень, превратившись в красавицу по имени Тамамо-но маэ, пленила императора Коноэ (1139—1155, на престоле был с 1141 по 1145 год), но разоблаченная и преследуемая Абэ Ясунари, вынуждена была спасаться бегством и в конце концов была убита в Насу, после чего ее дух превратился в камень. В месте Куробанэ, неподалеку от святилища Синохара, есть древнее погребение, которое называется Лисий курган.

171 Хатиман — бог войны и справедливости, одно из самых почитаемых божеств синтоистского культа.

172 ...именно к этому божеству... — Басе имеет в виду эпизод из «Повести о доме Тайра» (см.: Повесть о Тайра / Пер. И. Л. Львовой. М.: Худ. лит., 1982. С. 511). Когда меткий стрелок Мунэтака Ёити стрелял в веер с золотым кругом солнца, который держала в руке красавица, сидящая в лодке Тайра, он молился всем местным богам и в первую очередь богу Хатиману.

173 Эн-но гёдзя — патриарх буддийской секты аскетов («сюгэндо»), жил в эпоху Нара.

174 «Чудотворным гэта поклонившись...» — в храме Комёдзи находится большая скульптура, изображающая Эн-но гёдзя (см. примеч. 173), обутого в большие монашеские гэта. Паломники, проходящие мимо, непременно заходили в этот храм, считалось, что увидевшему эти гэта будет сопутствовать удача в пути.

175 Когда знаменитые десять видов... — в записках Сора перечислены «десять видов» Унгандзи: Башня на морском берегу, Пагода в бамбуковом лесу. Лес Десяти слив. Пещера Драконьей тучи, Вершина Драгоценного камня, Вершина-Плошка, Камень, Разрезающий воду, Тысячелетний утес. Обитель Летящих облаков, Утес Прозрачно-Чистый.

176 Наставник Мяо — знаменитый чаньский монах Юань Мяо, живший в Китае в период южно-сунской династии (XII—XIII вв.). Удалившись на гору Тяньмушань, он поселился там в каменной пещере, которую назвал Застава Смерти, где прожил, никуда не выходя, 15 лет.

177 Фаюнь — китайский монах, который жил в Китае в VI в. и основал храм Фаюнсы. Последние годы жизни он провел в маленькой хижине, которую построил на вершине утеса.

178 «Дятел, и тот...» — иначе дятел называется «тэрацуцу-ки» — «стучащий по храму».

179 Смертоносный Камень (Сэссёсэки) — камень, на котором, согласно легенде, была убита девятихвостая лисица с золотой шерстью, та самая, которая превратилась в красавицу Тама-мо-но маэ (см. примеч. 170).

180 Ива у ручья... — Басе имеет в виду иву, воспетую Сайге: «У дороги ручей // Струится светлый и чистый». // «Под ивой в тени // Присяду на миг» — подумал. // Но долго не мог уйти».

181 ...искали, возможности, отправить письмецо в столицу... — ср. со стихотворением Тайра Канэмори из антологии «Сюисю» (начало XI в.) — «Где посланца найти, как отправить в столицу о том письмецо, что наконец миновал я заставу Сиракава».

182 ...одна из знаменитых трех застав... — имеются в виду: застава Сиракава в Иваки, застава Накосо в Хитати и застава Нэдзу в Дэва.

183 Ветер осени свищет... — Басе цитирует известное стихотворение Ноина (см. примеч. 153).

184 ...вспоминаются алые листья кленов... — цитируется стихотворение Минамото Ёримаса: «Столицу оставил в дымке зеленой листвы, // Но вот уж на землю // Падают алые листья у заставы Сиракава».

185 Рядом с сверкающими белизной цветами унохана... — ср. со стих. Фудзивара Суэмити: «Нет никого, кто взглянул бы на них. // У ограды // Расцвели цветы унохана. // Застава Сиракава».

186 ...и снежный пейзаж был пленительнее — возможно. Басе имеет в виду стихотворение Оэ Садасигэ из антологии «Сёку-госюивакасю» (XIII в.): «Покинул столицу, //И один за другим потянулись // Осенние дни. // Вот уже снег побелил // Заставу Сиракава».

187 ...случай, происшедший некогда с одним человеком... — в поэтическом трактате Фудзивара Киёсукэ (1104—1177) «Фукуро-дзоси» приводится такой эпизод: «Говорят, что однажды человек по имени Такэда Куниюки направлялся в Митиноку, и в день, когда ему

предстояло перейти через заставу Сиракава, он особенно принарядился. Когда кто-то спросил его о причинах, он ответил: "Когда-то преподобный Ноин сложил здесь песню о ветре осеннем, который свищет над заставой Сиракава (см. примеч. 153), так могу ли я оставаться в обычном платье?" Разве это не замечательно?» 188 ...на дороге ничто не отражалось... — место, которое называлось Кагэнума (Болото Отражений), на самом деле не было болотом, оно, если верить описаниям, славилось миражами: всаднику, глядящему перед собой на дорогу, виделись перекатывающиеся водны, в которых отражались летящие птицы, когда же он опускал взгляд вниз, ему казалось, что вода разлетается брызгами из-лод копыт его лошади.

189 Токю — Сагара Идзаэмон (1638—1715), смотритель станции Сукагава, друг Басе.

190 ...в конце концов образовалось целых три свитка — т. е. было сочинено три цикла, каждый из которых состоял из тридцати шести строф (так называемый цикл «касэн», см. примеч. 97).

191 ...также было в тех далеких горах... — Басе вспоминает стихотворение Сайге: «В горной глуши // Вниз по скалам вода стекает. // Запрудить бы ее, // Пока собираем каштаны «тоги», // На землю падающие один за другими.

192 Ханакацуми (буквально: «цветущий кацуми») — название травянистого растения, какого именно, точно не установлено, называются разные варианты. Существует предание о том, что однажды Фудзивара Санэката (см. примеч. 200) назначенный наместником в провинцию Ивасиро, распорядился, чтобы по случаю праздника Пятой луны жители провинции украсили, как это принято было в столице, крыши своих домов ирисами (см. примеч. 207), поскольку же ирисы в этих местах не росли, их заменили растущей в болотах Асака травой ханакацуми. Обычай украшать в дни пятой луны крыши травой ханакацуми существовал достаточно долго, во всяком случае Басе о нем слышал, но, очевидно, к концу XVII в. ирисы научились выращивать и в провинции Ивасиро, поэтому никто не знал, что такое ханакацуми.

193 Куродзука — согласно преданию, в пещере Куродзука жила старуха-людоедка, пожиравшая путников.

194 …камень Со Смятенным Узором… — камень, который использовался для нанесения на ткань особого узора, на нем раскладывали разные цветы и травы, поверх которых клали ткань, а затем прижимали ее сверху другим камнем, в результате чего на ткани оставался сложный узор. Ткань, окрашенная таким образом, так и называлась «ткань Синобу». Поскольку слово «синобу» означает еще и «томиться от любви», «приходить в смятение», а также «терпеть», название этой ткани с давних времен широко использовалось в любовной лирике. См., к примеру, «Исэ-моцргатари» (рус. пер.: Исэ-моногатари / Пер. Н. И. Конрада. М.: Наука, 1979. С. 41).

195 Правитель Сато — имеется в виду правитель уезда Синобу, Сато Мотохару, он был вассалом Фудзивара Хидэхира (?—1187), военачальника конца эпохи Хэйан. В 1189 году, когда Минамото Ёритомо напал на сына Хидэхира, Фудзивара Ясухира, Сато Мотохару, защищая его, погиб в бою. Отец прославленных воинов Сато Цугунобу и Сато Таданобу. Оба его сына были верными воинами Минамото Ёсицунэ (1159—1189) и погибли, отдав жизни за своего господина.

196 ...таблички с именами двух невесток — имеются в виду жены сьновей правителя Сато, Цугунобу (1158—1185) и Таданобу (1161—1186), доблестно сражавшихся в войске Минамото Ёсицунэ и погибших на поле битвы. После того как мужья их погибли, женщины облачились в доспехи и, изображая триумфальное возвращение мужей с поля боя, предстали перед убитой горем свекровью, пытаясь таким образом утешить ее. (По другой версии, они предстали перед находившимся на смертном доже Мотохару). Существует еще одна легенда, согласно которой, когда войско Минамото Ёритомо начало наступление на войско Фудзивара Ясухира, то невестки Сато Мотохару снова облачились в доспехи и вместе со своим свекром защищали Камакуру.

197 Камень Льющихся слез — был установлен в Китае, на горе Сяншань в память о высокодобродетельном сановнике города Сянъяна Ян Ху (221—278). Поскольку все, кто смотрел на этот камень, проливали слезы, то поэт Ду Юй (222—284) назвал этот камень Камнем Льющихся слез.

198 Бэнкэй — легендарный герой и силач, слуга Минамото Ёсицунэ.

199 ...начался приступ давно мучившей меня хронической болезни... — считается, что Басе страдал от камней в печени.

200 То-но тюдзё Санэката — имеется в виду Фудзивара Санэ-ката (?—998), придворный поэт императора Итидзё. Поссорившись с известным поэтом и каллиграфом Фудзивара Юкинари (972—1027), впал в немилость, после чего был назначен правителем северных провинций Митиноку. Когда он ехал к месту назначения, то, проезжая мимо святилища бога-покровителя путников в Касадзима, не слез с коня, чем навлек на себя гнев божества: упав с лошади, он тут же скончался.

201 ...знаменитые «сухие стебли травы» — намек на стихотворение Сайге, написанное им, когда он посетил могилу Санэкаты: «Нетленное имя! // Вот и все, что ты на земле // Сберег и оставил. // Сухие стебли травы — // Единственный памятный дар» (пер. В. Н. Марковой, цит. по: Японская поэзия. (Серия «Золотой фонд япон. лит-ры>). СПб.: Северо-Запад, 1999. С. 319).

202 Сосна Такэкума — воспетая в японской поэзии сосна, с раздвоенным стволом. Ср. например стихотворение Татибана Суэмити из антологии «Госэнсю» (951): «Как там в Такэкума две сосны?» — вдруг спросит меня // Житель столичный, // А я ему так отвечу: «Я их видел, но их уже три». (Стихотворение построено на игре слов: «мики» значит «три ствола» и «видел». Скорее всего, первоначально имелись в виду просто две рядом растущие сосны).

203 ...сразу вспоминается монах Ноин — у Ноина есть такое стихотворение: «Снова приехал в Митиноку и, не увидев сосны Такэкума, сложил: Сосна Такэкума, //От нее и следа не осталось. // Неужели прошел // Целый век с того дня, когда //Я был здесь в последний раз?» 204 ...человек, который был назначен правителем в страну Митиноку, приказал срубить эту сосну и сделать из нее сваи для моста через реку Наторшава — в давние времена правителем в Митиноку был назначен Фудзивара Мотоёси, он-то и посадил возле своего дома знаменитую сосну, но много лет спустя правителем Митиноку был назначен Фудзивара Такаёси, который срубил эту сосну и сделал из нее мост.

205 Кёхаку — Кусакабэ Кёхаку (Р—1696), ученик Басе.

206 «Еще глядя на вишни...» — см. примеч. 202. «Три ствола» из стихотворения Татибана Суэмити в трехстишии Басе превращаются в «третью луну».

207 ...как раз устилают крыши листьями ириса — был канун праздника «танго-но сэкку» (5-й день 5-го месяца), во время которого было принято устилать крышу листьями ириса и вешать на стреху корни ириса.

208 «Челядинец, постой...» — Басе цитирует стихотворение неизвестного автора из антологии «Кокинсю» (№ 1091): «Челядинец, постой! // Скажи своему господину, // Чтобы шляпу на дел — // Словно дождь, на лугу Мияги // Поутру роса выпадает...» [Кокинвакасю, пер. А. Долина. Т. 3. С. 82].

209 ...святилище Небесного Бога... — имеется в виду святилище Сугавара Митидзанэ (845—903), поэта, который после смерти был обожествлен, получив титул Небесного бога (Тэндзин), покровителя поэзии и каллиграфии.

210 «Ирисы. // Ими привяжем к ногами — ирисы символизировали благополучие и здоровье. Синий цвет — цвет ириса. Даря странникам на прощание сандалии с синими шнурками, художник как бы желает им долгого и благополучного пути.

211 Северная узкая тропа {Оку-но хосомипш) — дорога, которая находится в северо-восточной части Сэндая и ведет к Иси-кава. Название ее и дало имя путевым запискам Басе.

212 ...десятиволоконная осока... (тофу-но сугэ) — особая осока, из которой плели так называемую десятиволоконную рогожу (тофу-но сугэкамо).

213 …в первом году эры Дзинки.. — время правления императора Сёму (701-—756), 724 г. по западному летоисчислению.

214 В шестом году эры Тэмпё-Хадзи... — время правления императора Дзюннин (733—765), 762 г. по западному летоисчислению.

215 «Изголовья песен» (ута-макура) — см. примеч. 216.

216 Суэ-но Мацуяма — так же, как и река Тамагава из Нода и Оки-но иси — географические названия, которые принадлежат к так называемым «изголовьям песни» (упа-макура). Наделенные

поэтической традицией, определенным содержанием, они вводятся в поэтический текст в расчете на определенную эмоциональную реакцию читателя. Гора Суэ-но Мацуяма (буквально: «Гора на вершине») вызывает ассоциацию с любовной клятвой. См., например, стихотворение Неизвестного автора из «Кокин-СЮ» (№ 1093): «Коль, оставив тебя, // Я все клятвы забуду беспечно, // Пусть морская водна,// Набежав, сосну захлестнет на вершине // Суэ-но Мацу».

217 Массёдзан — название монастыря пишется теми же иероглифами, что и Суэ-но Мацуяма, только читается иначе.

218 «станем птиц неразлучной четою...» — цитата из поэмы «Вечная печаль» Во Цзгойи: «В день седьмой это было, в седьмую луну, мы в чертог Долголетья пришли. // Мы в глубокую полночь стояли вдвоем, и никто не слыхал наших слов: // Так быть вместе навеки, чтоб нам в небесах птиц четой неразлучной летать. // Так быть вместе навеки, чтоб нам на земле раздвоенной веткой расти» (пер. Л. 3. Эйдлина, пит. по: Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. (Серия БВЛ). М.: Худ. лит. . 1977. С. 312).

219 Бухта Сиогама-но ура — тоже «изголовье песни» (ута-макура), обычно привносящее в стихотворение ощущение бренности бытия.

220 ...«с печалью гляжу, как спускают на воду лодку...» — цитата из «Кокинсю» (№ 1088): «Всюду дивной красой // Чарует наш край Митиноку — // Хоть с печалью гляжу, // Как спускают на воду лодку // В Сиогама, в бухте прозрачной» [Кокинвакасю, пер. А. Долина. Т. 3. С. 81.] 221 Дзёрури — нечто вроде баллады, которая исполнялась обычно нараспев под аккомпанемент лютни (или просто такт отбивался веером).

222 Это было не Хэйкэ… -— т. е. Баллады, которые исполнял монах, не принадлежали к популярному в то время циклу баллад, в основе которых были различные эпизоды из «Повести о доме Тайра» («Хэйкэ-моногатари»).

223 «Ковакамаи» (танцы Ковака) — один из жанров средневековою песенно-танцевального искусства, основанный в конце эпохи Муромати Момои Таданори, детское имя которого было Ковака-мару. Как правило, это сопровождающийся пением героический танец, в центре которого — какой-нибудь эпизод из военных эпопей.

224 Дзин — мера длины, применяющаяся главным образом для измерения ввысь и вглубь. В настоящее время 1 дзин составляет около 212 см, в старину — 121 или 125 см. Девять дзин! — устойчивое выражение, обозначавшее что-либо очень высокое.

225 «Пыльное обиталище» — антоним «Чистой земли» (буддийского рая). Обычно так называют весь земной мир, но в данном случае речь идет о Японии.

226 Третий год Бундзи — 1187 год по западному летоисчислению.

Идзуми Сабуро — иначе Фудзивара Тадахира, третий сын известного военачальника Фудзивара Хидэхира (? — 1187) (см. примеч, 195), который, выполняя последнюю волю отца, примкнул к Минамото Есииунэ и в 1189 году был убит своим старшим братом Ясухира, По другой версии, выступил против войска брата и покончил с собой.

227 фусан — см. примеч. 28.

228 Эти необозримые дали столь прекрасны... — скорее всего, Басе вспомнилось стихотворение китайского поэта Су Дунпо «Пил вино на берегу озера Сиху»: «Я пейзажи Сиху уподоблю прекрасной Си Ши: // Без помады, без пудры — //А как неподдельно нежны!» (пер. И. С. Голубева, цит. по: Китайская пейзажная лирики / Под ред. В. И. Семанова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 129).

229 «Замкнув уста... — т. е. перестав сочинять стихи.

230 Содо — см. примеч. 52.

231 Кара Антэки — врач из Эдо, друг Басе, поэт, писавший в жанре бака.

232 Дакуси — Накагава Дакуси, ученик Басе.

233 ...была обновлена черепица семи молелен... — речь идет о семи строениях, обычно имевшихся в монастырях, принадлежащих секте Дзэн: Саммон (Тривратие), Буцудэн (храм Будды), Хотто (Зала Закона), Содо (Монашеская Зала), Кури (Кухня), Ёкусицу (Комната для омовений) и Тосу (Восточный кабинет). Басе имеет в виду весь монастырь.

234 ...а где же та давняя келья старца Кэмбуцу? — Кэмбуцу — монах конца эпохи Хэйан, который жил отшельником в Осима. Предание говорит о том, что он был другом Сайге и тот навещал его.

235 ...о которой когда-то сказано было… — имеется в виду пятистишие Отомо Якамоти из «Манъёсю» (№ 4097): «О, для того, чтоб процветал в веках // Правитель наш — дитя богов небесных, // В восточной стороне, // В горах Митиноку, // Цветок из золота расцвел чудесный» [пер. А. Глускиной. Т. 3. С. 182].

236 Великолепие трех поколений... — речь идет о трех поколениях северной ветви рода фудзивара: основоположником ее был Фудзивара Киёхира (1056—1128), вельможа родом из Муцу, сумевший захватить власть над шестью уездами провинций Муцу и Дэва. фудзивара Мотохира (годы жизни неизвестны) — сын Киёхира, правил десятью уездами северных провинций, имея главную резиденцию в Хираидзуми, и Фудзивара Хидэхира (?—1187) — сын Мотохира (см. примеч. 195).

237 ...миг, за который успеет свариться похлебка... — намек на китайскую легенду о студенте Лу, который шел в город Хань-дань, мечтая о блестящей карьере, но по дороге заснул у костра, и за то время, пока в котелке варилась похлебка, увидел (или скорее даже прожил) во сне всю свою дальнейшую жизнь.

238 Тора Золотого петуха — искусственная гора, насыпанная по распоряжению Фудзивара Хидэхира (см. примеч. 195). Ей была придана форма горы Фудзи, а на вершине был установлено изображение петуха. Гора была предназначена для обороны.

239 Такадати — резиденция Минамото Ёсицунэ. Здесь он подвергся нападению войска Фудзивара Ясухира и провел свои последние дни.

240 Замок Идзуми — резиденция Идзуми Сабуро (см. примеч. 226, 195).

241 Ясухира — второй сын Фудзивара Хидэхира (см. примеч. 195). В 1189 году по приказу Минамото Ёритомо убил Минамото Ёсицунэ и своего брата Тадахиру, позже был сам убит Ёритомо.

242 «Страна распадается с каждым днем...» — цитата из стихотворения Ду Фу «Весенний пейзаж» (см. рус. пер.: Светлый источник: Средневековая поэзия Китая, Кореи, Монголии / Пер. А. Гитовича. М.: Правда, 1989. С. 79). «Присев на дорожную шляпу» — тоже аллюзия на стихотворение Ду Фу «Дворец драгоценных цветов»:

«Исполненный грусти присел на пучок травы...» Басе меняет «пучок травы» на «дорожную шляпу».

243 Канэфуса — Масао Дзюро Канэфуса, опекун супруги Минамото Ёсицунэ, сопровождал Ёсицунэ, когда тот, спасаясь от преследователей, вместе с семьей уходил на север. После того как Ёсицунэ покончил с собой, выполняя волю покойного, убил его жену и детей, после чего поджег дом, где они находились, и сгорел вместе с ним (см.: Сказание о Ёсицунэ / Пер. А. Стругацкого. М.: Худ. лит., 1984. С. 206).

244 Два храма — два храмовых здания монастыря Тюсондзи: Зала Сутр — Кёдо и Зала Света — Хикаридо.

245 В Зале Сутр сохранились статуи трех военачальников... — о каких военачальниках идет речь, неизвестно. На самом деле в этом здании находятся статуи бодхисаттвы Мондзю (санск. Манд-жушри), царя Удэна (санскр. Удаяна) и отрока Дзэндзай. В «Дневнике Сора», кстати, говорится о том, что, когда они пришли в монастырь Тюсондзи, там не было сторожа, и никто не смог открыть здания двух храмов.

246 ...усыпальницы трех поколений... — см.: примеч. 236.

247 ...три образа будд — будды Амида, Каннон и Сэйси.

248 Семь сокровищ... — имеется в виду семь буддийских сокровищ (сиппоо): золото, серебро, лазурит, хрусталь, тридакна, коралл, агат. Иногда называют другие компоненты.

I ^ -'*;'.

"^ 249 ...когда б не окружили Залу... — в 1288 году, по распоряжению Камакурского сёгуна, здание Залы Света было окружено внешними стенами и новой крышей, чтобы уберечь его от непогоды. Позже внешние стены восстанавливались еще несколько раз.

250 Намбу — общее название родов, которым принадлежали северные земли.

251 «Ползи же ко мне...» — стихотворение построено на стихотворении Неизвестного автора из антологии «Манъёсю» (№ 2265): «Утренний туман поднялся легкой дымкой // У сторожек, где костры горят, // Вдалеке несется крик лягушек... // О, когда бы твой я

голос слышал, // Разве жил бы я в такой тоске?» [Пер. А. Глускиной. Т. 2. С. 235].

252 «Кисточку для бровей...» — Сафлор (яп. бэнибана) — ложный шафран, растение с пушистыми желтыми цветками, из которых делают масло. (Сэйфу как раз был торговцем маслом.) Эти цветы — достопримечательность северных провинций, и для Басе они внове. Пушистые венчики цветов у него, столичного жителя, невольно ассоциируются с пушистой щеточкой, которой принято стряхивать пудру с бровей. К тому же слово «бэни» означает еще и «румяна», т. е. опять же вызывает ассоциацию с косметическими принадлежностями.

253 Великий учитель Дзикаку — иначе известен как Эннин (794—864), монах, ученик основателя буддийской секты Тэндай Сайтё (767—822). После возвращения в Японию из Китая стал одним из основных лиц в секте Тэндай.

254 ...не зная, какую дорогу из двух предпочесть... — имеются в виду два направления в искусстве хайкай — старое и новое (основоположником которого был Басе).

255 Сэнниндо — святилище, в котором поклонялись душе верного вассала Минамото Ёсицунэ, Хитатибо. Теперь на этом месте находится синтоистский храм, который называется Тогава-дзиндзя.

256 Святилище Временного обличья — синтоистский храм, примыкающий к храму Минамидани. В Японии большую популярность имело представление о том, что Будды и Бодхисаттвы, для того чтобы успешнее наставлять людей на Путь Учения, появились в Японии, временно приняв облик японских богов. Поэтому при буддийских храмах обычно есть синтоистские святилища и наоборот. В настоящее время на этом месте находится синтоистское святилище Дэва-дзиндзя.

257 «Установления годов Энги» — свод законов, составленный в начале X в. по приказу императора Дайго. Японские комментаторы указывают на то, что в этом своде святилище Усюсатояма не упоминается.

258 ...стали читать все слово как. Хагуро... — в названии УСЮкурояма знак «у» («перья») может читаться еще и как «ха».

259 ... луна созерцания Небесной опоры (Тэндайспкан) — имеется в виду один из основных принципов практики секты Тэндай («Небесная опора»), согласно которому человек может достичь просветления лишь полностью отрешившись от всех заблуждений и сосредоточившись на созерцании истинных связей мира. Луна — обычный образ для обозначения душевного состояния просветленного. Три храма — Хагуродзан, Гассан и Юдоносан — принадлежат секте Тэндай.

260 ...высоко поднят светильник Полноты-Мгновенности-Сбободы... — имеются в виду принятые в секте Тэндай термины энмантошо (полное и мгновенное прозрение) и юдзумугэ (свобода и отсутствие преград и помех).

261 УЖ не закаливали ли их... — Басе имеет в виду китайскую легенду о знаменитом оружейнике Ган Тяне периода Чуньцю (770—476 гг. до н. э), который, получив приказ выковать драгоценный меч, вместе со своей женой Мое отправился на гору Ушань, где в течение трех лет они ковали мечи, закаливая их в воде Драконьего Ключа. В результате было сделано два меча, которые так и были названы — Гань Цзян и Мое.

262 Тань Цзян и Мое — см. примеч. 261.

263 Будто повеяло ароматом сливы, расцветшей в жаркий день — Басе имеет в виду стихотворение на китайском языке из дзэнского сборника XV в. «Дзэнринкусю»: «Банан в снегу — на картине Ван Вэя, // Бутоны сливы в жаркий день — в стихах Цзяньчжая». Ван Вэй (701—761) — китайский поэт и художник. Цзяньчжай (1090—1139) — китайский поэт. Сопоставление парадоксальных явлений в этом стихотворении (банан и снег так же несовместимы, как цветущая слива и жаркий день) символизирует преодоление банального и обретение истинной свободы духа.

264 ...исполненная удивительной прелести песня настоятеля Гёсона... — Гёсон (1057—1135) — один из верховных священнослужителей секты Тэндай в эпоху Хэйан. Поэт и музыкант. Басе имеет в виду его стихотворение из антологии «Кинъесю» (1127): «Неожиданно на горной вершине увидев цветы сакуры, сказал: «Вместе со мной, // Вздохни над этими лепестками, // Горная вишня. // Ведь никому, кроме цветов, // Не ведома печаль цветенья».

265 «Бреду, по монетам ступая...» — существовал обычай, согласно которому всякий, кто поднимался к монастырю Оюдо-но, должен был пожертвовать ему все свои мелкие деньги, поэтому дорога к монастырю была усыпана монетами.

266 Ведь это здесь сложил он... — имеется в виду приписываемое Сайге стихотворение: «В Кисаката, // Прямо в морских волнах // Вишни цветут. // Видишь — плывут по цветам // Сегодня рыбачьи челны».

267 Государыня Дзингу — супруга древнего японского императора Тюай, мать императора Одзина, известна своими походами на Корею.

268 Канмандзюдзи — существует предание, согласно которому у императрицы Дзингу, когда она, возвращаясь из похода на Корею, была заброшена на этот остров, были с собой «Четки, Вызывающие Отлив» («кандзю») и «Четки, Вызывающие Прилив» («мандзю»). В честь этих четок и был назван храм.

269 «Кисаката. // фигурка Си Ши под дождем...» — трехстишие Басе основано на образе стихотворения Су Дунпо «Пил вино на берегу озера Сиху», в котором озеро Сиху сравнивается с прославленной китайской красавицей Си Ши (см. примеч. 228).

270 «Не удастся волне...» — трехстишие построено на стихотворении Киевара Мотосукэ из антологии «Госюисю» (1086) (№ 1086): «Мы друг другу клялись // Выжимая промокшие // От слез рукава: // "Не удастся волне захлестнуть // Вершину Суэмацу» (см. также примеч. 216). Скопы (яп. мисаю) — птицы, которые считаются верными супругами.

271 Седьмая луна — принято любоваться луной на седьмую ночь седьмого месяца (в этот день празднуется Праздник Встречи Звезд — Танабата, см. примеч. 528). Обычная для Басе манера подчеркивать красоту того, чем любоваться не положено.

272 Небесная река — Млечный путь.

273 ...где они, что «дитя рыбака»... — веселые женщины часто сравниваются с рыбачками, подобные примеры есть во многих поэтических антологиях. Вообще, размышляя о превратностях женской судьбы, поэты часто вспоминали рыбачек, коротающих век свой у волн. Ср. со стихотворением неизвестного автора из

антологии «Ваканроэйсю» (XI в.): «Белые волны // Набегают на берег. // Здесь век свой // Мне влачить суждено. // Я дитя рыбака, и пристанища у меня постоянного нет».

274 ...он записал это стихотворение — в дневнике Сора ток же времени нет упоминания об этом эпизоде. Скорее всего он был выдуман Басе.

275 Глицинии Тако — ср., например, стихотворение Утиноку-ра Навамаро из антологии «Манъёсю» (№ 4200): «Возьмем цветы лиловых фудзи, // Что блеском озаряют даже дно // Залива Тако, // И, украсившись венками, // Покажем тем, кто видеть их не мог!» [Пер. А. Глускиной. Т. 3. С. 227].

276 Курикара-га-тани — это место связано с одним из любимых героев Басе, военачальником Минамото Ёсинака (1154— 1184), здесь была битва, в которой войско Ёсинака разбило армию Тайра.

277 Иссё — Косуги Иссё (1653—1688), ученик Басе, торговец чаем.

278 Санэмори — Сайто Санэмори (?—1183), сначала был вассалом Минамото ЁСИТОМО, потом стал вассалом Тайра Мунэмори и в 1183 году возглавил войско, напавшее на войско Минамото Ёсинака, причем, чтобы его не узнали, перекрасил свои седые волосы. В этом бою Санэмори и погиб. Когда Ёсинака был ребенком, Санэмори опекал его, и в благодарность за это Ёсинака простил ему измену и оказал посмертные почести.

279 Хигути Дзиро — вассал Ёсинака, старинный друг Санэмори, он опознал голову Санэмори.

280 ...после тою как государь-инок Кадзан... — император Кадзан (968—1008) был довольно известным поэтом. Паломничество по Тридцати трем обителям — посещение 33 монастырей, посвященных бодхисаттве Каннон. Император Кадзан начал это паломничество с монастырей, расположенных в Нати (провинция Кии), и завершил в месте под названием Танигуми (провинция Мино). В память об этом паломничестве он и придумал название Ната, взяв первый слог от «Нати» и первый слог от «Танигуми».

281 Исияма — буквально: Каменная гора. Существуют споры по поводу того, какую именно гору имеет в виду Басе — ту гору Исияма, которая находится в Оми, или ту, которая находится в Ната. В некоторых описаниях говорится о том, что пейзаж горы Исияма в

Ната напоминает пейзаж одноименной горы в Оми, только он еще более печален и камни еще более выбелены солнцем. Белый цвет — цвет зимы, холода, чистоты.

282 Ариакэ — скорее всего, переписчики, переписывая текст. ошиблись, на самом деле речь идет о знаменитых горячих источниках Арима в провинции Хёго (к северу от современного Кобэ).

283 «Хризантем я не трону...» — хризантема, или роса с хризантем — символ долголетия. Басе, очень любивший горячие источники, желая похвалить источник в Яманака, хочет сказать, что он столь же чудодействен, сколь целительна роса с хризантем.

284 Тэйсицу — см. примеч. 53.

285 Тэйшоку — Мацунага Тэйтоку (1571--1653), поэт, занимавший ведущее место в литературной жизни Японии в первой половине XVII в. Центральная фигура в поэзии хайкай до Басе.

286 ...плату за исправление строф — учителя рэнга взимали плату за исправление строф со всех желающих совершенствоваться в искусстве хайкай. Для многих поэтов в то время это было основным источником дохода.

287 «Сегодня сотру...» — странствующие монахи и поэты имели обыкновение, отправляясь в путь, писать на полях шляпы свое имя и откуда они родом. Если они путешествовали вдвоем, то каждый рядом со своим именем писал на шляпе имя своего попутчика. Оставшись один, Басе стер со шляпы имя Сора.

288 «Двор подметя...» — паломники, ночующие в дзэнских монастырях, перед тем, как утром отправиться в путь, должны были подмести двор перед храмом.

289 Саше — японские комментаторы указывают на то, что истинным автором этого стихотворения является монах Рэннё (1415-1499).

290 ...все равно, что отращивать ненужный палец — возможно, Басе основывался на следующем отрывке из «Чжуан-цзы» (гл. «Перепонки между пальцами»): «Перепонки между пальцами ног или шестой палец на руке даются человеку природой, но ничего не прибавляют к нашей природе. <...> Выходит, перепонка между

пальцами ног — бесполезный кусочек плоти, а шестой палец на руке — ненужный отросток» [Чжуан-цзы... С. 108].

291 Тюай — четырнадцатый японский император, супруг императрицы Дзингу (см. примеч. 267).

292 Так и повелось с тех пор... — речь идет об обряде «Приношение песка», который проводит каждый настоятель, приезжая в храм и приступая к своим обязанностям. Также песок и землю, необходимую для строительства или перестройки храма, поставляют прихожане.

293 Пурпуровые ракушки — ракушки красного цвета (официальное название — «тидори-масухогаи»), являющиеся достопримечательностью провинции Вакаса.

294 Сума — побережье, в юго-западной части Японии, которое поэтической традицией издавна связано с прекрасными осенними видами. К тому же здесь жил когда-то в изгнании поэт Аривара Юкихира (см. примеч. 54), и это обстоятельство придает особенно печальный оттенок и без того печальному осеннему пейзажу. См. «Повесть о Гэндзи», гл. «Сума»: «Право, вряд ли на свете существовало место, где осень была бы столь же унылой».

295 ...надеясь у спеть поклониться святыням Исэ — синтоистское святилище Исэ раз в 21 год обязательно обновляется, и перед тем, как начинать ремонтные работы, основные святыни торжественно переносят из основного здания во временное помещение. В данном случае имеется в виду церемония выноса святынь, которая проводилась в 1689 году, во внутреннем святилище — на десятый, а во внешнем — на тринадцатый день девятой луны.

296 «На две половинки...» — стихотворение построено на игре слов: «Футами» — одновременно и географическое название и «две части».

ДНЕВНИК ИЗ САГА

297 Сорю — Касиваги Сорю (? —1716), поэт и каллиграф, друг Басе.

298 Четвертый год Гэнроку — 1691 год, этот год по восточному календарю относится к стихии металла и называется годом Овцы. Месяц Зайца — 4-й месяц по лунному календарю.

299 Кёраи — Мукаи Кёрай (1651—1704), ученик и друг Басе, один из лучших поэтов его школы. «Ракусися» («Хижина опадающей хурмы») — домик Кёрая на западной окраине Киото, в местечке Сага.

300 Бонтё — Нодзава Бонтё (?—1714), врач и поэт, один из талантливейших учеников Басе.

301 ...собрание произведений господина Бо... — имеется в виду сборник стихов великого китайского поэта Бо Цзюйи (772-846).

302 ...Императорскую антологию «От одного поэта по одному стихотворению»... — имеется в виду изданная в 1660 г. антология «Хонтёитинниссю», в которой были собраны стихи японских поэтов VII—IX вв. на китайском языке.

I ^ 303 «Повесть о передаче мира» — произведения с таким названием не существует, скорее всего речь идет либо о «Повести о Расцвете» («Эйга-моногатари», конец XI в.), либо о «Великом Зерцале» («Оокагами», ок. X1--ХП вв).

304 «Повесть о Гэндзи» («Гэндзи-моногатари») — самое знаменитое произведение классической японской прозы, написанное в начале XI в. придворной дамой Мурасаки Сикибу.

305 «Дневник из Тоса» («Тоса-никки») — первое произведение японской дневниковой литературы, написано в X в. известным поэтом Ки-но Цураюки (см. примеч. 87).

306 Собрание «Сосновая хвоя» («Сёёсю») — антология, содержащая известные пятистишия, воспевающие самые прекрасные виды Японии. Составлена в 1187 году.

307 ...в середине часа Лошади... — т. е. около часа дня.

308 Бодхисаттва Кокудзо (санскр. Акасагарбха) — бодхисаттва мудрости и великой добродетели. Изображается сидящим на лотосе с венцом «пяти премудростей» на голове, с жемчужиной, исполняющей желания, в левой руке, с мечом знания в правой. Этот бодхисаттва является главным объектом поклонения в храме Хориндзи, который находится восточное горы Арасияма.

309 Кого — любимая наложница императора Такакуры (1161—1181). Спасаясь от ненависти Тайра Киёмори, бежала в Сага, там стала монахиней. (См. «Повесть о доме Тайра», свиток 6).

310 Накакуни — имеется в виду придворный императора Такакуры Минамото Накакуни, который по приказу императора

однажды осенью в день полнолуния приехал в Сага, чтобы навестить Кого.

311 ...когда зеленели ивы в деревне Чжаоцзюнь... — ср. со стихотворением Бо Цзюйи: «Цветы у гробницы алые, словно румяна. // Ивы в деревне Чжаоцзюнь зелены, гнутся словно брови». Чжаоцзюнь — деревня, откуда была родом знаменитая китайская красавица Ван Чжаоцзюнь.

...усыпальница феи с горы Ушань... — существует китайская легенда, согласно которой князь Сян-ван (III в. до н. э), гуляя однажды по склонам горы Ушань, встретил фею-небожительницу и полюбил ее. Позже князь Хуай-ван построил на горе храм-усыпальницу в память об этом событии.

312 Монахиня УКО — жена Бонтё.

313 ...праздник в северном Сага — речь идет о ежегодном празднике храма Отаги, находившемся на вершине горы Отаги. Этот праздник справлялся в день Свиньи, который был обычно во второй половине четвертой луны. В 4-м году Гэнроку (1691) день Свиньи приходился на 20-й день 4-го месяца.

314 «Друг друга тузят...» — в собрании «Плащ обезьяны» автором этого стихотворения назван Юто.

315 Дзё — здесь мера площади — примерно полтора квадратных метра.

316 ...собрались люди из четырех провинций — Басе был родом из провинции Ига, Кёрай — из Хидзэн, Дзёсо — из Овари, а Бонтё — из Кага.

317 «...и сновидений четыре вида» — в книге «Чжуцзиняоцзи» («Выдержки из буддийских канонов», эпоха Тан (VII—X вв.)) говорится: «Снов имеется четыре вида: 1. Сны, в которых четыре великих (земля, вода, огонь и ветер) пребывают вне гармонии. 2. Сны вещие. 3. Сны о небожителях. 4. Сны, вызванные мыслями» (см. также примеч. 337). Есть еще поговорка: «соберутся десять человек — словно жители десяти провинций».

318 «Тишина и покой. // И когда б не они...» — Басе имеет в виду стихотворение Сайге: «Примирился я с тем, // Что никто ко мне не приходит. // В хижине горной // Тишина и покой, и когда б не они, // Тяжко было бы жить».

319 Отшельник Тёсе — Киносита Тёсёси (1569—1649), известный поэт начала периода Эдо. Потеряв свое имение, принял постриг и поселился на горе Хигасияма возле Киото.

320 Отоокуни — Каваи Отокуни, человек родом из Оцу. С 1687 года был одним из самых активных учеников Басе в Оцу.

321 Кёкусуй — Суганума Кёкусуй, один из учеников Басе.

322 Соха — дзэнский монах, живший неподалеку от Банановой хижины. Сопровождал Басе в Касима (см.: «Путешествие в Касима», примеч. 57).

323 ...длиной примерно в два лука... — длина одного лука считается 7 сяку 5 сунов, соответственно длина двух луков 1 дзё и 5 сяку, т. е. четыре с лишним метра.

324 Рансэцу — см. примеч. 66.

325 «Вараби. // Выбираю из сора бережно...» — Вараби и дзэммай — разные виды папоротника, время сбора вараби — второй месяц, время сбора дзэммай — третий месяц.

326 «Меняют прислугу...» — Речь идет о «дне замены прислуги» (дэгавари), в этот день в купеческих домах было принято увольнять одних слуг и нанимать других. Это обычно происходило на второй день второго месяца и на второй день восьмого месяца, (в более поздние времена менять слуг стали на пятый день третьего и десятого месяца).

327 Сёбо — Исота Сёбо, поэт школы Басе из Дзэдзэ.

328 Сёхаку — Эса Сёхаку (1650—1722), поэт и врач из Оцу, уже в зрелом возрасте присоедился к школе Басе, но позже отдалился от нее, не согласившись с выдвинутым Басе в последние годы жизни принципом каруми («легкость»).

329 Сэнна — поэт хайкай (1651—1723), одиннадцатый настоятель храма Хомпукудзи. Одно время он примыкал к школе Басе, но потом отошел от нее.

330 фумикуни — Накамура фумикуни, поэт из Киото, в 1693 году переехал в Эдо, где примкнул к школе Басе.

531 Дзёсо — Найто Дзёсо (1662—1704), чиновник родом из Овари, в 1688 году ушел со службы и переехал в столицу. В 1689 году примкнул к школе Басе и вскоре стал одним из самых известных мастеров хайкай.

332 Хуан Шаньгу — см. примеч. 90. Чэнь Уцзи (Чэнь Шидао, 1053-1102) и Цинь Шаою (Цинь Гуань, 1049-1100) — китайские поэты.

533 Бу — мера длины, 3,03 мм.

334 Стража Обезьяны — время с 4 до 5 часов вечера.

335 Моммэ — мера веса, 3,75 г. 536 Тококу — см. примеч. 50.

337 Сны возникают» когда душа... — Басе цитирует Ле-цзы:

«...Что же такое шесть подтверждений? Первое — обычный сон, второе — тревожный сон, третье — сон, вызванный мыслями, четвертое — сон, вызванный памятью, пятое — радостный сон, шестое — страшный сон. Эти шесть выявляются, когда дух входит в соприкосновение с чем-либо» [Чжуан-цзы... С 318].

338 Ин и ё (кит. инъ и ян) — согласно китайской натурфилософии, два основных начала, из сочетаний которых состоит все сущее. Ин (кит. инь) — пассивное женское начало, ё (кит. ян) — активное, мужское начало.

339 «Записки во сне» — скорее всего имеются в виду «Записи в постели» («Чжэньчжунцзи»), произведение китайского писателя Шэнь Цзицзи (ок. 750—800).

340 «Государство Хуайаньго» — в «Биографии правителя области Нанькэ» («Наныо тайшоучжуань») китайского автора Аи Гундзо (770—850) есть новелла, главный герой которой, некто Чунь Ганьфэнь заснул под большой софорой и во сне увидел, как царь государства Хуайаньго (буквально: «Государство Покоя под Софорой») назначил его правителем области Нанькэ.

341 «Сон Чжуан-цзы о бабочке» — Чжуан-цзы однажды при снилось, что он превратился в бабочку, и проснувшись, он не мог понять: то ли он бабочка, которой снится, что она превратилась в Чжуан-цзы, то ли он Чжуан-цзы, которому приснилось, что он превратился в бабочку [Чжуан-цзы... С. 73].

342 Мои сны — это не сны великого Конфуция — возможно, Басе имеет в виду следующий отрывок из «Лунь юй» (гл. 7 «Шу Эр»): «Учитель сказал: "О, как я ослабел, я уже давно не вижу во сне Чжоу-гуна"». (См. рус. пер.: Древнекитайская философия: Собрание текстов в 2-х тт. М.: Мысль, 1972. Т. 1. С. 153). Чжоу-гун (умер в 1105 г. до н. э.) — государственный деятель начала правления династии Чжоу,

пользовался большим авторитетом, как человек высокодобродетельный.

343 Сон, «вызванный мыслями...» — см. примеч. 337.

344 ..неотлучно, как тень, следовал за мной... — см.: «Записки из дорожного сундучка».

345 ...посвященные Высокому замку — Такадати...— см. примеч. 239.

346 Рию — Кавано Митиката (1652—1705), монах и поэт школы Басе.

347 С гостинцами зять — согласно существующему обычаю в первый же праздничный день после свадьбы молодой муж должен явиться в дом родных жены с гостинцами — рисовыми колобками тимаки.